

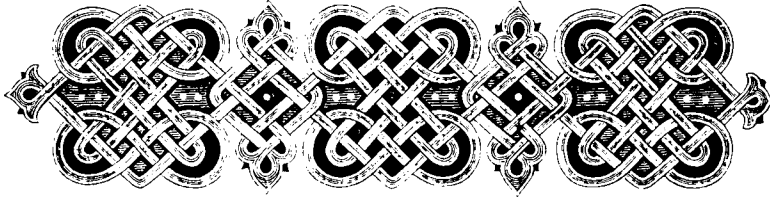

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

МАЙ 1886.

ВЪ ГОРАХЪ И ДОЛИНАХЪ РУССКАГО ТЯНЬ-ШАНЯ.

СЛИ ЧИТАТЕЛЬ потрудится взглянуть на рельефную карту Азіатскаго материка, то какъ разъ по срединѣ найдетъ гигантскій горный хребетъ Тенгри-Тагъ, составляющій часть длинной цѣпи возвышенности Тянь-Шаня. Упомянутая горная группа находится въ равныхъ разстояніяхъ отъ Чернаго моря на западѣ, Желтаго моря на востокѣ, Обской губы на сѣверѣ и Бенгальскаго залива на югѣ. Тенгри-Тагъ возвышается на срединѣ прямой линіи, которую можно провести отъ мыса Сѣверо-Восточнаго въ Сибири до мыса Коморина въ Индіи¹⁾.

Каждому, кромѣ того, извѣстно, что названіе «Тянь-Шань» означаетъ на китайскомъ языкѣ — Небесныя горы; нѣкоторые же китайскіе авторы даютъ ему кличку «Сюз-Шань», т. е. Снѣговья горы. Затѣмъ участки горнаго узла, каковы: Памиръ, Мустагъ и проч., можно перевести: первый — Крыша Міра, второй — Ледяныя горы.

Однимъ словомъ, уже эта одна терминологія указываетъ на то, что Тянь-Шань принадлежитъ къ одной изъ величайшихъ горныхъ системъ на всемъ земномъ шарѣ. И дѣйствительно, средняя высота магистральнаго хребта колеблется между 16,000 и 18,000 футовъ²⁾, а отдѣльные пики, каковъ Хань-Тенгри въ Мустагѣ, достигаютъ 21,000 футовъ и выше.

¹⁾ Н. Маевъ. Топографическій очеркъ Туркестанскаго края («Турк. Ежегодникъ». Вып. 1-й. 1872. Стр. 16).

²⁾ Л. Костенко. Туркестанскій край. 1880. Т. I. Стр. 24.

Понятно, что все сказанное выше и взятое вмѣстѣ давно уже интриговало пытливый умъ ученаго, и давно уже стремились путешественники проникнуть въ лабиринтъ запутанныхъ ущелій этого недоступнаго уголка земнаго шара.

Еще недавно о Тянь-Шанѣ существовали самыя смутныя и сбивчивыя представленія. Все извѣстное основывалось на весьма сомнительныхъ данныхъ, собранныхъ іезуитами во времена Цань-Луны, т. е. около 1757—1759 годовъ.

У Гумбольдта (1843 г.) мы встрѣчаемъ нѣсколько разспросныхъ свѣдѣній о маршрутахъ поперегъ Тянь-Шаня, но и это составило нѣчто новое, дополняющее показанія китайской географіи Туркестана, переведенной на русскій языкъ въ 1827 году отцомъ Іакинѣемъ (Бичуринымъ)¹⁾. Нечего, я думаю, прибавлять, что карты этой части Средней Азіи (какова, напримѣръ, карта Клапрота) отличались неточностью.

Только въ 1847 году, топографъ Нифантьевъ, бывшій за рѣкою Или, составилъ карту озера Иссыкъ-Куля (разспросную) и тѣхъ путей, которые ведутъ мимо его въ Кашгаръ и Угь-Турпань.

Въ 1855 году, возникли наши Заилійскія колоніи, что дало возможность въ слѣдующемъ же году (1856 г.) топографу Яновскому снять восточную часть Иссыкъ-Куля и прилежащихъ горныхъ мѣстъ. Но первымъ путешественникомъ, проникшимъ въ Алатаускія горы и въ Тянь-Шань и давшимъ основанія географіи Центральной Азіи, былъ, безъ сомнѣнія, Семеновъ (1856—1857).

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ путешественниковъ, съ опасностью жизни стремящихся вглубь долинъ Небесныхъ горъ. Таковы: гг. Захаровъ, Велихановъ, Голубевъ, Венюковъ, Полторацкій и Остенъ-Сакенъ.

Съ особенной быстротой двинулось изученіе Тянь-Шаня послѣ учрежденія Туркестанскаго округа въ 1867 году: гг. Краевскій, Буняковскій, Сѣверцевъ, Рейнталь, Каульбарсъ, Костенко и многіе другіе навсегда останутся извѣстными наукѣ по тѣмъ результатамъ, которые получены ими при изученіи географіи края.

Что касается до естественной-исторической части изслѣдованій, то и она въ настоящее время имѣетъ уже весьма много цѣнныхъ выводовъ. Вспомнимъ зоологическія изысканія, произведенныя гг. Сѣверцовымъ и Федченко, геологическія — Романовскимъ и Мушкетовымъ, ботаническія — Регелемъ. Особенно посчастливилось геологій: профессоръ Мушкетовъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на изученія хребтовъ въ геологическомъ отношеніи, кромѣ опубликованныхъ краткихъ отчетовъ, готовитъ капитальный трудъ, разъясняющій, до нѣкоторой степени, какъ строеніе, такъ и появленіе Тянь-Шаня на земной поверхности.

¹⁾ Заимствую эти свѣдѣнія у Костенко (I. с., стр. 17).

«истор. вѣстн.», май, 1886 г., т. XXIV.

Не смотря, однако, на то, что много затрачено уже трудовъ упомянутыми путешественниками, остается еще очень и очень много такихъ мѣстъ, гдѣ ни одинъ изъ европейцевъ не бывалъ никогда, гдѣ только кара-киргизъ карабкается на своей маленькой лошаdkѣ и гдѣ лежатъ еще много сокровищъ, ждущихъ счастливаго ученаго, который бы сорвалъ съ нихъ таинственное покрывало неизвестности.

Благодаря просвѣщенному содѣйствию генераль-губернатора Г. А. Колпаковского, въ 1884 году и я получилъ возможность попытаться счастья и также пройти въ ущелья Тянь-Шаня. Мнѣ особенно пріятно было совершить такое путешествіе потому, что въ первыя двѣ поѣздки въ Среднюю Азію я познакомился только со степью и песками Сыръ и Аму-Дарьи и едва коснулся горной флоры въ Гиссарскомъ хребтѣ. Пополнить свои свѣдѣнія и сравнить степную флору съ горною для того, чтобы составить себѣ ясное общее представленіе о растительности Средней Азіи, казалось для меня весьма заманчивымъ.

Оставляя научный отчетъ до болѣе благопріятнаго времени, я позволю себѣ здѣсь подѣлиться вкратцѣ съ читающей публикой тѣми впечатлѣніями, которыя волной нахлынули на меня во время труднаго пути по горамъ и долинамъ русскаго Тянь-Шаня.

1-го іюня я отчалилъ на пароходѣ «Иванъ» отъ Казани съ тѣмъ, чтобы надолго покинуть свои привычки, разграфленную на клѣточки жизнь чиновника, извѣстный комфортъ и проч., и проч. Все это надо было забыть и пожить бивуачною жизнью, т. е. ѣсть не тогда, когда хочется, а когда можно, спать не тогда, когда клонить ко сну, а когда является къ тому возможность, пить — что попало, а заболѣешь — лѣчиться самому. Но меня такая перспектива нисколько не смущала, такъ какъ я могу считать себя привычнымъ къ подобнымъ лишеніямъ.

Не стану описывать подробно мой путь до Перми. Дорога слишкомъ извѣстна, да и переѣздъ совершился самымъ благопріятнымъ образомъ. Меня только крайне удивила оголенность береговъ Камы; когда я проѣзжалъ здѣсь въ 1882 году, отправляясь въ вогульскую экспедицію, зеленый боръ шумѣлъ по обѣимъ сторонамъ рѣки и спускался до самой воды по крутымъ и живописнымъ скатамъ. Теперь же отъ него осталось весьма немного. Хищническая порубка, стало быть, продолжается, не смотря на справедливые протесты печати и не внимая голосамъ специалистовъ.

Самъ городъ Пермь выигралъ со времени проведенія желѣзной дороги. Хорошенькіе дома и магазины появились тамъ, гдѣ ихъ не было двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а вмѣсто деревяннаго сарая, гдѣ давались спектакли, выстроился весьма красивый театръ.

Быстро пролетѣли мы въ вагонѣ пространство до города Екатеринбургa и вдоволь налюбовались прелестными видами уральскихъ ущелій. Пересѣвъ въ тарантасъ, отправились дальше на Тюмень и 7-го іюня, подъ вечеръ, миновали тотъ четырехугольный столбъ, который стоитъ на границѣ Пермской и Тобольской губерній, т. е. между Европой и Азіей. Облупленная штукатурка, изломанная желѣзная крыша и безграмотныя надписи, покрывающія бока этого одинокаго обелиска, далеко неизящны.

На другой день со звономъ и грохотомъ тарантасъ нашъ подкатилъ прямо къ пристани Курбатова на рѣкѣ Тоболѣ, гдѣ стоялъ пароходъ «Сарапулецъ», на которомъ предстояло совершить длинное плаваніе до Семипалатинска. Пріятно было забраться въ чистую и теплую каюту, когда кругомъ свистѣлъ холодный вѣтеръ, брызгалъ мелкій дождь, а солнце ныряло въ низкихъ тяжелыхъ облакахъ.

Съ разсвѣтомъ тронулись въ путь. Плоскіе берега, пустынные окрестности и сѣверная погода производили неособенно хорошее впечатлѣніе. Мутныя волны Тобола съ шумомъ плескались объ отмели, длинноногіе кулички перепархивали у самаго прибора, да бѣлыя чайки съ крикомъ носились въ воздухѣ. Деревень почти не встрѣчалось въ первый день нашего путешествія. Останавливались и брали дрова прямо у берега; съ баржи, которую тащилъ пароходъ, сходили солдатики и, вооружась длинными палками, таскали громадныя полѣнья. На минуту пустынная мѣстность оживлялась. Пассажиры тоже выбирались на берегъ, слышался хохоть, отрывокъ изъ какой нибудь шансонетки, звуки гармоникки. Но вотъ раздался капитанскій свистокъ. Эхо прокатилось далеко по лугамъ и лѣсамъ, все засуетилось. Солдатики уходятъ опять на баржу, убираютъ мостки, чалки... Третій свистокъ — и пароходъ запыхтѣлъ, запумѣли колеса, густой дымъ повалилъ изъ трубы, и мы двинулись далѣе. Снова берегъ погрузился въ молчаніе; гдѣ за пять минутъ была такая толкотня и шумъ, виднѣются разбросанныя полѣнья, обрывокъ веревки, пустая бутылка... Налетѣвшій вѣтеръ подхватилъ клочекъ синей бумаги и понесъ его куда-то далеко къ лѣсу.

Пассажиры скоро перезнакомились другъ съ другомъ, и время пошло скорѣе и не такъ томительно-скучно. Съ баржи часто пріѣзжалъ военный докторъ, любившій поиграть въ карты, составлялась пулъка и затягивалась на всю ночь. Мнѣ приходилось удивляться такой страсти къ картамъ.

По вечерамъ задавались цѣлые концерты. Въ одномъ углу палубы еврей-канторъ густымъ басомъ распѣвалъ: «Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана», въ другомъ — нѣсколько евреекъ съ чувствомъ исполняли: «Я вновь предъ тобою стою очарованъ», а въ третьемъ — сѣдая женщина, бывшая актриса, недурно и съ нѣ-

которымъ шикомъ выводила разбитымъ голосомъ аріи изъ «Елены прекрасной» и «Почтальона».

10-го іюня, утромъ, на горизонтѣ засинѣлъ крутой берегъ и на немъ сверкнули кресты церковей города Тобольска.

Городъ живописенъ съ рѣки, но ужасенъ внутри, благодаря варварскимъ мостовымъ. Представьте себѣ бревна, положенныя вдоль и поперегъ улицъ, полусгнившія, со щелями и ямами, — и вы получите нѣкоторое понятіе о томъ, на сколько удобно ѣздить по этимъ живымъ клавишамъ на тряскихъ долгушкахъ своеобразной конструкции. Сорь, грязь и нечистота, цѣлая толпа евреевъ, оборванныхъ мальчишекъ и невзрачныхъ домовъ добавляютъ общую картину. Читатель, конечно, помнитъ, что здѣсь же стоитъ памятникъ Ермаку, покорителю Сибири, и виситъ сосланный колоколъ. На послѣднемъ славянскими буквами стоитъ слѣдующая надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набать при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія, въ 1593 году присланъ изъ города Углича въ Сибирь, въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемиловаго Спаса на торгу, а потомъ на Софійской колокольніи былъ часобитнымъ. Вѣсъ въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ».

Съ невольной улыбкой смотришь на этого изгнанника и вспоминаешь о добромъ старомъ времени, когда даже къ неодушевленнымъ предметамъ относились неособенно снисходительно.

Отъ Тобольска мы вошли въ рѣку Иртышъ. Берега его обрывисты, покрыты стройными елями; кое-гдѣ виднѣются закоптѣлые дома татарской деревеньки. Иногда откосы совершенно голы и сбѣгаютъ къ водѣ зелеными пологими скатами.

Я очень былъ доволенъ, что пассажиры, по большей части, сидѣли въ рубкѣ и на палубѣ, оставляя всю каюту 1-го класса въ мое распоряженіе. Вынимались книги, карты, и я прилаживался заниматься. Но часто это не удавалось, потому что въ ближней семейной каютѣ находилась громадная семья какого-то полицейскаго чиновника; дѣти шумѣли, дрались, родители расправлялись съ ослушниками, прибѣгая къ средству, давно уже оставленному, и поднимался такой гамъ, что читать было совершенно невозможно. Или старая нянюшка, обрадовавшись, что беспокойный какой-нибудь питомецъ задремалъ, начинала свою заунывную колыбельную пѣсенку, и подъ «баюшки-баю» приходилось знакомиться съ путешествіемъ Каульбарса. Ничего не оставалось дѣлать какъ идти тоже на палубу.

Крутые берега Иртыша часто обваливаются; поэтому нѣтъ почти ни одной деревни, гдѣ бы нѣсколько хатъ не обрушилось. Часто приходилось видѣть, какъ половина избы торчитъ на крутизнѣ, остатки крыши нависли надъ волнами, плетень зацѣпился однимъ концомъ и держится на погнувшихся кольяхъ, покачиваясь отъ

вѣтра. А тамъ дальше по улицѣ, всетаки, живутъ и, повидимому, мало думаютъ о предстоящей неминуемой такой же катастрофѣ.

Не смотря на средину іюня, мы много терпѣли отъ холода и даже топили. 12-го, налетѣла черная туча, завывль вѣтеръ, и буря разразилась дождемъ и градомъ, покрывшимъ палубу бѣлымъ слоемъ пальца въ два толщиной.

Рѣка необыкновенно извилиста и дѣлаетъ иногда такіе крутые повороты, что мы возвращаемся почти къ тому же мѣсту, отъ котораго за нѣсколько часовъ отъѣхали. Большія волны съ бѣлыми верхушками подбрасываютъ длинныя и тяжелыя бревна, укрѣпленныя на якоряхъ. Это гигантскіе полавки для ловли осетровъ. Разбросанные вдоль береговъ въ значительномъ числѣ, такіе тяжелые куски дерева могутъ сильно повредить колесамъ парохода, если попадутъ въ нихъ. По счастью, рейсы здѣсь не частые, и мы только раза три встрѣтили буксирки съ нѣсколькими баржами, нагруженными всякой всячиной, да два пассажирскихъ парохода, идущіе изъ Омска и Семипалатинска.

Простоявъ ночь въ Омскѣ, который своими красивыми зданіями производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, двинулись дальше.

Однообразно текло время. Утромъ пили чай, въ полдень завтракали, потомъ обѣдали, спали, а вечеромъ выходили «на улицу», т. е. на палубу, гдѣ заводились безконечные споры и разговоры.

Особенно интересны были рассказы одного господина, давно служащаго въ Сибири. Такъ, на примѣръ, онъ передавалъ, что въ 60-хъ годахъ въ Восточную Сибирь отправляли цѣлыя транспорты кошекъ, которыхъ тамъ въ то время не было. Случилось какъ-то, что самому рассказчику пришлось вести въ Николаевскъ партію солдатъ и партію кошекъ вмѣстѣ. Дорогой 24 штуки четырехногихъ пассажировъ погубло, а нѣсколько дней спустя одинъ солдатикъ, купаясь въ Амурѣ, утонулъ. Бѣдный офицеръ былъ въ горѣ отъ такого несчастья и въ ближайшемъ городѣ явился къ начальству, рапортуя о случившемся.

Начальство, услышавъ о смерти солдата, промолчало. — «Чего же подѣлаешь, воля Божья!» — и только; но, когда дѣло дошло до гибели кошекъ, оно страшно разсердилось.

— Милостивый государь, — заявило оно: — или извольте уплатить по три рубля серебромъ за кошку, или подѣ судъ.

Конечно, офицеръ согласился на первое и долженъ былъ внести изъ своего скуднаго содержанія 72 рубля серебромъ.

Когда совѣмъ темнѣло и на небѣ ярко свѣтила луна, снова начиналось пѣніе, рассказы принимали игривый оттѣнокъ, и одинъ изъ пассажировъ, прозванный Селадомомъ, пускался въ разговоры съ жидовками, угощалъ ихъ орѣхами и любезничалъ отчаянно. Огненный хвостъ искры, внезапно вылетавшій изъ трубы парохода,

иногда не кстати освѣщаль Селадона, шепчущаго на ухо черноглазой дочери Израйля какой нибудь плоскій комплиментъ.

На лѣвомъ берегу Иртыша указали мнѣ на богатый Черноярскій поселокъ. Нѣсколько поодаль отъ строеній возвышалось 13 громадныхъ пирамидъ соли. Соль эта вывозится изъ Коряковского озера, имѣющаго 40 верстъ въ окружности; въ годъ добывается ея болѣе милліона пудовъ. Разработка самая примитивная: подъѣзжаютъ съ телѣгами и снимаютъ лопатами бѣлую кору, которою покрыта поверхность воды; существуетъ еще слой соли, лежащій на днѣ, но до него не дотрогиваются, такъ какъ безъ того добываемаго продукта хватаетъ на все.

Берега озера топки, а кругомъ на 100 верстъ будто бы нѣтъ никакой растительности. Прибавлю еще, что Коряковское озеро отстоятъ отъ Черноярскаго поселка всего въ 25 верстахъ.

Спустя нѣкоторое время, на высококомъ песчаномъ увалѣ показался городъ Павлодаръ. Скучнѣе его нельзя себѣ ничего представить. Плохая пристань съ покосившимся столбомъ, на которомъ виситъ разбитый фонарь, кучи сложенныхъ кожъ, ни одного кустика и вихри песка — вотъ что бросается въ глаза путешественнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ этому жалкому городу. Низкія строенія уходятъ за пыльный бугоръ. Въ высококомъ берегѣ видны милліоны отверстій; изъ нихъ вылетаютъ быстрыя ласточки и съ звонкимъ щebetаніемъ мчатся надъ рѣкой, испуганныя пароходнымъ свисткомъ.

У пристани тѣснятся оборванные пѣшіе и конные казаки, киргизы, нѣсколько доморощенныхъ дрожекъ, годящихся въ кунсткамеру; все это собралось полюбопытствовать. А надъ нами раскинулось сѣрое раскаленное небо, немилосердно печетъ солнце. Густое облако пыли стоитъ надъ городомъ, еле размотришь крестъ одинокой церкви да луну единственной мечети.

Солнце садилось, когда мы ушли отъ этого негостепріимнаго (по виду) мѣста. Пахнуло свѣжестью, вошла луна.

Обычные концерты на нынѣшній вечеръ нѣсколько измѣнили свой характеръ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ пассажировъ на палубѣ находился одинъ дервишъ, который пѣшкомъ ходилъ въ Мекку и въ настоящее время возвращался назадъ, куда-то въ Среднюю Азію. Едва стемнѣло, онъ усѣлся, скрестивъ ноги, вынулъ изъ мѣшка особый инструментъ сипай¹⁾, и началъ пѣть нѣчто длинное, заунывное. Собрался народъ, воцарилось молчаніе. Пѣніе становилось, однако, все оживленнѣе, дервишъ повышалъ голосъ и,

¹⁾ Инструментъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ палочекъ, вилообразно расходящихся. Тамъ, гдѣ концы отходятъ другъ отъ друга, продѣто желѣзное кольцо, на которомъ виситъ множество мелкихъ колецъ. Во время пѣнія дервишъ потрясаетъ этими рогульками, подобно тамбурину.

наконецъ, дошелъ до неистовства — глаза засверкали, изъ груди вырывалось какое-то рычаніе дикаго звѣря. Можно было думать, что воспѣвается какой нибудь ужасный случай, но на самомъ дѣлѣ оказывалось, что пѣвецъ благодарилъ Аллаха за благополучное возвращеніе на родину.

Утомившись, дервишъ порылся опять въ мѣшкѣ, досталъ скорлупу кокосоваго орѣха, отдѣланнаго въ видѣ чаши, и сталъ собирать въ свою пользу съ внимательныхъ слушателей. Затѣмъ ушелъ на мѣсто, сосчиталъ деньги и, спрятавъ ихъ въ карманъ, растянулся совершенно удовлетворенный.

Между тѣмъ, мы все подвигались впередъ и впередъ. На зарѣ прошли мимо Семіарска, и когда я утромъ вышелъ на палубу, то ландшафтъ представлялъ собою уже нѣчто новое. Берега сдѣлались болѣе оживленными, на каждомъ шагу виднѣлись рощи, вдали зеленый лѣсъ; крутые откосы сбѣгали до самой рѣки и пестрѣли всѣми цвѣтами разнообразно-окрашенной глины; на различной высотѣ отъ воды пробивались обильные ключи и тонкими ручейками текли въ Иртышъ. Вотъ вдали показалась бѣлая часовня—то святой ключъ, безъ котораго, кажется, не обходится ни одинъ русскій городъ. Группы темной зелени близъ песчаныхъ холмовъ указывали мѣсто, гдѣ стоитъ Семипалатинскъ.

Еще полчаса—и пароходъ засвистѣлъ, началась суета: мы приѣхали, пробывъ въ дорогѣ 12 дней!

Если окрестности Семипалатинска можно назвать довольно красивыми по той массѣ растений, которыми онѣ изобилуютъ, то того же нельзя сказать о самомъ городѣ: отсутствіе деревьевъ, песокъ, глиняныя невзрачныя постройки—все это очень уныло и непривлекательно. Особенно интересно то, что въ русскомъ городѣ имѣется всего двѣ церкви и девять мечетей! Въѣздъ нашъ въ Семипалатинскъ нельзя также назвать счастливымъ; не успѣли пробраться сквозь густыя кусты Казачьяго острова, какъ услышали набатъ. Черный дымъ густымъ столбомъ поднялся надъ зданіями, красное пламя огромными языками взвилось въ воздухъ. Горѣлъ цѣлый кварталъ. Воду надо было везти на гору, пожарныя лошади измучились, и къ вечеру десятокъ домовъ лежалъ въ развалинахъ.

Ко всему этому жара стояла невыносимая, на солнцѣ термометръ показывалъ 43°, вѣтеръ буквально жегъ лицо.

Запасшись всѣми необходимыми съѣстными продуктами, и главное—таранасомъ, вечеромъ 26-го іюня, я выѣхалъ на югъ, въ степь. Переправился черезъ Иртышъ на паромѣ особаго устройства, извѣстномъ въ Сибири подъ названіемъ «самолетъ», и очутился на безконечной плоскости, ровной скатертью уходящей въ даль. Только направо синѣли горы Сими-тау.

При голубоватомъ свѣтѣ луны можно было различать аулы киргизовъ, мазарки, зимовки кочевниковъ. Иногда обгоняли длинные

обозы переселенцевъ, идущихъ искать счастья въ краяхъ, гдѣ рѣки молочныя, а берега кисельные. Ночной вѣтерокъ нѣжно дулъ въ лицо и приносилъ душистый запахъ полыни. Свѣжесть воздуха была особенно чувствительна послѣ сорокаградусной жары, которую приходилось испытать днемъ.

Уже утромъ на слѣдующій день приблизились къ горамъ Джартасъ и вскорѣ налѣво увидѣли прихотливыя очертанія Аркатскихъ утесовъ съ необыкновенно красивыми вершинами. Затѣмъ снова раскинулась степь и потянулась до маленькаго и невзрачнаго Сергіополя.

Выжженная солнцемъ равнина желтѣла кругомъ. На горизонтѣ то и дѣло подымались темныя вихри пыли. Пробѣжить въ сторонѣ заяцъ, испуганно подымутся крупныя дрохвы, киргизы верхомъ на коровахъ—вотъ что попадалось на дорогѣ. Едва зашло солнце, на насъ накнулись тучи комаровъ, которыхъ здѣсь чрезвычайно много, благодаря близкому сосѣдству озера Балхашъ. И дѣйствительно, на зарѣ съ высокаго холма блеснулъ этотъ громадный басейнъ съ пустынными берегами.

Дорога пошла по высохшему дну его. Ряды песчаныхъ бархановъ, солончаки, кусты колючки, гребенщика и саксаула напомнили мнѣ берега Аральскаго моря и глубокіе барханы Кизылъ и Каракумовъ. Наконецъ, на горизонтѣ точно облака вырѣзались свѣжныя вершины далекихъ горъ Алатау,—цѣль нашего путешествія. Перебѣгаемъ лошадей и мчимся далѣе. Вотъ и станція Абакумъ, расположившаяся у самаго предгорія. Сытая тройка еле тащитъ тарантасъ по крутой дорожкѣ, высѣченной въ каменныхъ утесахъ. Красиво громоздятся камни, покрытые разноцвѣтными лишайниками. Ручей шумитъ невидимый между кустами. Высоко надъ головой покрикиваютъ ястреба.

Перевалили черезъ хребетъ и выѣхали опять на равнину подъ жгучіе лучи солнца. А между тѣмъ надъ горами, влѣво, стоятъ тучи; видно, гдѣ льетъ дождь, гдѣ свирѣпствуетъ метель, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Дорога повернула вправо, но налетѣвшее облако успѣло сбрызнуть насъ и обдать благодатной влагой.

Еще нѣсколько станцій—и мы въ Копалѣ, съ хорошенькой чистой крѣпостью, опрятно содержимымъ валомъ и часовымъ. Горы подходятъ подъ самый городъ, выглядывающій вполне азиатскимъ: маленькія лавки со всякимъ товаромъ, толпа всадниковъ на лошадяхъ и коровахъ, верблюды, нагруженные турсуками съ кумысомъ. На площади размѣстились въ кружокъ киргизы; они сидятъ на корточкахъ, держатъ въ поводу лошадей и о чемъ-то горячо толкуютъ; рогъ съ нюхательнымъ табакомъ обходитъ всѣхъ, и всякій не преминетъ насыпать на лодонь порядочную кучку и отправить ее въ ротъ. Въ сторонѣ стоятъ коровы; на нихъ къ сѣдламъ привязаны громадныя вязанки дровъ; толстый кочевникъ поглядываетъ

кругомъ, ожидая покупателей, и прилежно выдаиваетъ свою выючную скотину—чрезвычайно удобно: она и дрова таскаетъ, и хозина питаетъ.

Копаль уже значительно приподнятъ надъ степью; онъ лежитъ на 3,900 футовъ выше уровня океана.

Далѣе на пути любовались рѣчкой Караталь, которая есть не что иное, какъ рядъ водопадовъ: все русло завалено громадными камнями, между которыми вода съ ревомъ и цѣной пролагаетъ себѣ путь.

Вечеромъ достигли станціи Алтынъ-Эмель, съ которой идетъ дорога въ Кульджу. У самаго крыльца поставлена каменная баба, найденная гдѣ-то въ окрестностяхъ, и которая ничѣмъ не отличается отъ бабъ южной Россіи—та же грубая отдѣлка лица, также сложенные руки на груди. Сама станція весьма чиста и опрятна; комната раздѣлена ширмами на двѣ части, стоитъ мягкій диванъ, стѣны обиты китайскими обоями, на окнахъ занавѣски. Даже свѣчу намъ подали стеариновую.

Степной характеръ мѣстности не измѣняется вплоть до рѣки Или. На берегу ея опять встрѣчаются песчаные барханы со своею растительностью. Только кое-гдѣ изъ-подъ наносовъ выглядываютъ мощные красноватые утесы. Сама рѣка широка, бурлива; по срединѣ ея пробѣгаютъ длинныя и узкія песчаныя отмели.

Мостъ, о которомъ такъ много говорили, дѣйствительно хорошъ и открытъ незадолго до нашего пріѣзда, а именно 5-го іюня.

Подъ страшнымъ солнцепекомъ, въ густыхъ облакахъ удушающей соленой пыли и обдуваемые горячимъ вѣтромъ, вѣхали мы въ городъ Вѣрный.

Послѣ занятія русскими Зайлійскаго края въ 1853 году, въ слѣдующемъ же (1854) году было заложено укрѣпленіе Вѣрное, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ средніе вѣка былъ городъ Алматы, т. е. Яблонный, извѣстный по своей торговлѣ и служившій станціею на пути слѣдованія каравановъ многихъ народовъ и, между прочимъ, генуэзскихъ купцовъ въ Китай. Укрѣпленіе явилось съ цѣлію упроченія русской власти надъ Большой Ордой и до сихъ поръ извѣстно между туземцами и многими русскими подъ названіемъ Алматы.

Городъ лежитъ на высотѣ 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря и построенъ на ровной мѣстности у самой подошвы Зайлійскаго Алатау, вершины котораго рѣзко выдѣляются на голубомъ небѣ своими вѣчными снѣгами.

Я остановился въ единственной гостинницѣ Алихина. Хотя изъ оконъ номера, снабженнаго балкономъ, и развертывается красивая панорама горъ, но грязь и нечистота моего временнаго жилища отличались колоссальными размѣрами. Слуга-еврей, Ицка, до такой

степени былъ засаленъ и ходилъ до такой степени неряшливо, что могъ отбить всякій аппетитъ, когда подавалъ кушанья.

Улицы и базаръ отчасти напоминаютъ собою Ташкентъ: тѣ же арыки, тѣ же густые тальники и пирамидальные тополи. Особенно красивъ проспектъ генерала Колпаковского.

Прекрасный губернаторскій домъ, художественно построенный архитекторомъ Гурде, гораздо лучше Кауфмановскаго, а зданія гимназій и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ могли бы украсить любой губернской городъ въ Европейской Россіи.

Существуютъ здѣсь два сада для гулянья публики; въ нихъ играютъ оркестры музыки. Что касается до такъ называемаго Казеннаго сада, то, принимая въ расчетъ климатъ города Вѣрнаго, можно было бы ожидать отъ него большаго разнообразія цвѣтовъ и растений вообще; кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, я не увидѣлъ ничего.

Загородная дача генераль-губернатора, находящаяся въ ущельѣ горъ, въ 10 верстахъ отъ города, замѣчательно красива по своему мѣстоположенію.

По улицамъ то и дѣло скачутъ калмыки съ длинными женскими косами, киргизы важно покачиваются на верблюдахъ, китайцы, въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ и съ вѣромъ въ рукахъ, возятъ двухколесныя телѣжки съ овощами. Прогрemitъ пара офицерскихъ лошадокъ, разубранныхъ бляхами и бубенцами, или мягко прокатится большая коляска съ франтовато одѣтыми дамами на сытыхъ сѣрыхъ коняхъ.

Базаръ, какъ и вообще среднеазиатскіе базары, представляетъ невообразимый хаосъ: тутъ и ослы съ дровами и корзинами, и коровы, нагруженныя всякой всячиной, и лошади, везущія сразу двухъ киргизовъ. Крикъ, шумъ, гамъ. На высокихъ арбахъ зеленѣетъ цѣлый стогъ клевера. Разноцвѣтные, громадныхъ размѣровъ, зонтики защищаютъ отъ солнца таранчинцевъ съ цвѣтной капустой, урюками и абрикосами. Изрѣдка прошмыгнетъ бѣлый русскій солдатикъ въ розовыхъ чамбарахъ съ кулькомъ подъ мышкой.

Все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ весьма оригинальную картину. Даже оборванные старики-нищіе, у которыхъ сквозь рубище проглядываетъ голое коричневое тѣло, живописны, а калмычки съ длинными черными косами, остроконечными шапочками, одѣтыя въ до невозможности грязныхъ и длинныхъ рубашкахъ, такъ и просятся на картину. На одной изъ улицъ можно встрѣтить даже кибитку съ цѣлымъ семействомъ киргизовъ; голыя дѣтишки бѣгаютъ и играютъ у арыка, лошади пасутся, ходятъ бараны и коровы, а сама хозяйка, спустивъ съ плечъ сорочку и спрятавъ въ тынъ голову, выставила на солнышко жирное лоснящееся тѣло и предается кейфу. Какъ видно, здѣсь ничѣмъ не стѣсняются.

Въ первый же день пріѣзда въ Вѣрный, сидя на балконѣ своего номера, я любовался картиной грозы въ горахъ. Точно декорація

стояли горы, окутанныя густыми облаками, а изъ ущелій гдѣ-то далеко вспыхивала ярко-красная молнія, и глухо отдавалось эхо далекаго грома.

Вѣрный съ своей оригинальной обстановкой и радушнымъ обществомъ до такой степени понравился мнѣ, что, когда наступила минута отъѣзда, когда лошади были закуплены, а джигиты наняты, — мнѣ не хотѣлось уѣзжать оттуда.

Но, дѣлать нечего, сѣлъ на лошадь, махнулъ своему проводнику, и маленькій караванъ тронулся въ путь.

Я имѣлъ уже случай говорить, почему горная страна, въ которую я направлялся, возбуждаетъ интересъ всякаго натуралиста. Теперь прибавлю, что вся мѣстность не представляетъ собою низменности съ высокими снѣжными горами, а, наоборотъ, вся эта область есть не что иное, какъ общее громадное поднятіе материка, а на колоссальномъ пьедесталѣ, въ свою очередь, проходитъ множество хребтовъ, или обособленныхъ (въ рѣдкихъ случаяхъ), или же сплетающихся въ запутанные лабиринты.

Который изъ этихъ хребтовъ есть главная ось поднятія, — сказать трудно, хотя теченіе рѣкъ и барометрическія указанія заставляютъ думать, что высшая часть находится въ странѣ верховьевъ рѣкъ Нарына (Сыръ-Дарьи) и Ирташа; въ этомъ-то мѣстѣ громоздятся ледники Акъ-Шійряка, дающіе начало множеству рѣкъ и рѣчекъ. Быть можетъ, впоследствии, когда наши изслѣдованія Тянь-Шаня будутъ болѣе подробны, найдется и еще высшій пунктъ, но пока мы знаемъ только самую значительную террасу или сырть упомянутыхъ ледниковъ, смѣло поднимающуюся на могучемъ каменномъ основаніи.

Уже невдалекѣ отъ Семипалатинска на югъ, хотя мѣстность и носить степной характеръ, она видимо начинаетъ приподыматься по мѣрѣ приближенія къ Алатау. Такъ барометръ показываетъ, что поселеніе Илійское лежитъ на 1,300 футовъ, а Вѣрный уже на 2,430 футовъ надъ поверхностью океана. Стало быть, Тянь-Шань не сразу вырастаетъ на низменности, а постепенно вздуваетъ кору земную.

На громадной возвышенности, о которой мы говоримъ, разбросаны обширныя горныя равнины и нѣсколько значительныхъ водныхъ бассейновъ. Послѣдніе въ видѣ озеръ держатся, окруженные горами какъ чаши, наполненыя водой. Таково громадное водомѣстилище Иссыкъ-Куль, возвышающееся надъ поверхностью моря на 5,500 футовъ, Сонъ-Куль—расположенный на 9,400 футовъ и т. д. На сколько значительны эти горныя озера, видно уже изъ того, что первое имѣетъ 172¹/₂ версты въ длину, 56 верстъ въ ширину и площадь воды около 7,346 квадратн. верстъ; второе имѣетъ

26 верстѣ въ длину, 16 верстѣ въ ширину и площадь въ 236 квадратныхъ верстѣ.

Селенія, расположенныя на Иссыкъ-Кулѣ, пользуются чисто горнымъ климатомъ—холодными ночами и не очень жаркими днями; но правильнѣе будетъ сказать, что перемѣна въ температурѣ воздуха совершенно зависитъ отъ того, подуетъ ли вѣтеръ съ снѣговыхъ горъ, или нѣтъ. Въ іюнѣ и іюлѣ послѣ заката солнца всѣ одѣваются въ теплую одежду, тогда какъ въ Ферганѣ и Ташкентѣ въ это самое время изнываютъ отъ жары.

То же самое можно сказать и о другихъ плоскихъ возвышенностяхъ, каковы горное плато съ озеромъ Сонъ-Кулемъ, Памиръ, или Крыша Міра и проч. Прибавимъ еще, что часто здѣсь на высокихъ мѣстахъ путешественникъ страдаетъ сильно отъ разрѣженнаго воздуха; изъ носа, горла и даже (какъ мнѣ рассказывали очевидцы) изъ ушей идетъ кровь, сердце учащенно бьется, человекъ задыхается, точно ему мало воздуха для дыханія, и, кромѣ того, наступаетъ самое отвратительное настроеніе духа.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, что я хотѣлъ сказать читателю, не имѣющему ни времени, ни желанія познакомиться съ этимъ интереснымъ уголкомъ земнаго шара изъ специальныхъ сочиненій.

Перехожу къ описанію моего путешествія.

Первый день нашего пути изъ Вѣрнаго (10-го іюля) приходилось ѣхать все время по мѣстности, носящей степной характеръ; даже ковыль цѣлыми островами раскидывался въ далекомъ морѣ всевозможныхъ злаковъ. Степь эта уходила вдаль налѣво; направо подымался Алатау съ еловыми лѣсами на крутизнахъ и сверкали двѣ бѣлыя вершины Талгарской горы и Алматинскаго остраго пика; на другихъ—тоже виднѣлся снѣгъ, но пятнами, не составляя сплошнаго поля. Отъ этого края (главнаго) спускаются зелеными волнами небольшія террасы съ мягкими очертаніями; верхушки ихъ закруглены и имѣютъ видъ куполовъ.

Профессоръ Мушкетовъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенію, что породы, слагающія Тянь-Шань, весьма разнообразны, какъ по своему строенію, такъ и по времени образованія; слѣдовательно вся горная мѣстность образовалась неодновременно, а въ нѣсколько послѣдовательныхъ, смѣнявшихъ другъ друга періодовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ геологическихъ эпохъ.

Все это прекрасно можетъ видѣть путешественникъ, проходящій вдоль или поперекъ хребта. Даже издали есть возможность отличать края различныхъ образованій, если только внимательно приглядѣться къ нимъ.

Соображая все это и припоминая, что мнѣ приходилось наблюдать въ окрестностяхъ Вѣрнаго, я подвигался къ первому ночлегу, назначенному въ поселеніи таранчинцевъ Алексѣевкѣ. Нѣсколько

тысячъ этого трудолюбиваго народа ушло послѣ сдачи Кульджи и подъ руководствомъ выдающагося, по своему природному уму, Бушери-бека, расположилось на берегу рѣки Талгарки.

Трудно повѣрить, что все, что мнѣ пришлось увидѣть, возникло въ одинъ годъ, такъ какъ строиться они начали только съ лѣта 1883 года. Длинная улица, протянувшаяся на нѣсколько верстъ, и переулки застроились уже глиняными домиками, воздвигается мечеть, медресе, у cadaго дома имѣется садъ, полный всякаго рода цвѣтовъ и овощей; на базарѣ, всегда многолюдномъ, идетъ дѣятельная торговля, въ углу его развѣвается оригинальное знамя надъ дунганскимъ трактиромъ; существуетъ даже баня и при ней китайская кухня. На главной улицѣ высоко въ воздухѣ стоитъ широкая бесѣдка, выстроенная въ китайскомъ вкусѣ, предназначенная, какъ мнѣ объясняли, для «музыки» (!).

У cadaго двора стоятъ кольца тальника, покрытые молодыми вѣтками съ свѣжими листочками, а кое-гдѣ граціозно поднимаются стройные пирамидальные тополи. Я не говорю уже о карагачахъ, этихъ деревьяхъ Средней Азіи, они попадаются на каждомъ шагу. Можно себѣ представить, какой видъ приметъ селеніе, когда черезъ пять, шесть лѣтъ названные деревья разростутся. Прибавимъ къ этому, что мѣсто, выбранное таранчинцами, отличается крайне здоровымъ (пока) климатомъ, нынѣшнею зимою здѣсь не было ни одного случая дифтерита, свирѣпствовавшаго во всѣхъ ближайшихъ мѣстечкахъ и даже въ Вѣрномъ.

Когда я вѣхалъ на дворъ прямо къ Бушери, на крыльцѣ полу-европейскаго домика стоялъ красивый молодецъ среднихъ лѣтъ, въ бархатномъ халатѣ, босой и съ ребенкомъ на рукахъ. Это и былъ самъ вліятельный таранчинецъ.

Онъ гостепріимно принялъ меня, угостилъ превосходнымъ пивомъ, чаемъ и супомъ. Позже немного потребовалъ пѣвцовъ, и пришлось послушать неособенно красивую музыку, такъ какъ аккомпанементъ состоялъ изъ двухъ инструментовъ: ситеръ—нѣчто въ родѣ гитары съ тремя струнами (шелковыми) и верхней и нижней декой, сдѣланной изъ рыбьей кожи, и дутеръ—съ деревянной декой и двумя струнами.

Я радъ былъ, по правдѣ сказать, когда музыканты убрались, и явилась возможность побесѣдовать съ умнымъ таранчинцемъ.

По словамъ Бушери, многіе изъ его предковъ были царями, но являлись другіе претенденты, въ одну прекрасную ночь «рѣзали немножко» всѣхъ и дѣлались сами владѣтелями народа. Въ силу этого ненависть къ китайцамъ у таранчинцевъ превосходитъ всякое вѣроятіе.

— Пусть мой царь скажетъ, — говорилъ Бушери: — чтобы я черезъ два дня представилъ ему войско противъ поганыхъ китайцевъ—сейчасъ соберу 25,000 и впереди самъ пойду рѣзать немножко.

Разсказчикъ видимо волновался и горячился, вспоминая покинутую Кульджу. Онъ былъ на коронаціи въ Москвѣ и съ большимъ благоговѣніемъ передавалъ всѣ подробности милостиваго разговора съ нимъ государя императора.

— Я здѣсь хочу школы завести, — говорилъ Бушери: — чтобы народъ умнѣе былъ. Наши жены дуры, но потому, что мы ихъ дурами держимъ; когда учиться будутъ — умнѣе стануть.

И все это говорилось не съ чужаго голоса, а въ силу убѣжденія.

Долго бесѣдовали мы, и уже далеко за полночь меня проводили въ комнату, украшенную китайскими картинами.

На другой день Бушери меня повелъ показывать все, что онъ строитъ, и обратилъ вниманіе мое на интересное нововведеніе на базарѣ, а именно: продается мясо отдѣльно безъ костей.

— Я хочу мясо купить, а мнѣ кости продаютъ; это нехорошо. Хочешь кости брать — бери отдѣльно, а обманывать народъ нехорошо, — толковалъ мнѣ замѣчательный человѣкъ.

Пока мы ходили и смотрѣли, сзади послышался трубный звукъ. Оглядываемся, а это — дувана (юродивый) трубить и коверкается прося денегъ на хлѣбъ.

Въ другомъ мѣстѣ собрался народъ. По срединѣ круга слушателей стоитъ старикъ и съ пѣною у рта выкрикиваетъ что-то скороговоркой. Всѣ слушаютъ. Оказывается, что это проповѣдникъ учить, какъ надо жить, и собираетъ за свое ученіе мелкую монету.

Затѣмъ Бушери повелъ меня познакомиться съ своими женами. На отдѣльномъ дворѣ выстроены особый домикъ. Черезъ среднюю дверь мы вошли въ большую комнату, устланную коврами. Прямо стѣна загромождена сундуками всевозможныхъ величинъ, окованныхъ и некованныхъ; на нихъ лежатъ шелковыя подушки — большія и маленькія; стѣна направо вся скрывается подъ множествомъ стѣнныхъ часовъ, изъ которыхъ ни одни не шли, маятники неподвижно висѣли; налѣво развѣшано оружіе, халаты и шапки. Свѣтъ падаетъ изъ оконъ, расположенныхъ высоко надъ дверью, такъ что бѣдныя затворщицы никого увидѣть не могутъ.

Расположившись на коврѣ, Бушери позвалъ женъ. Вошли двѣ маленькія, хорошенькія женщины; одна 18 лѣтъ, по имени Гюль-Шараханъ, держала на рукахъ любимаго сына Батрахана, котораго я замѣтилъ вчера на рукахъ у отца, другая — 16 лѣтъ, съ страннымъ именемъ Магимунеханымъ. Первая казалась уже поблекшею, вторая — въ полномъ разцвѣтѣ красоты; первая одѣта была въ высокую шапку и желтое шелковое платье, вторая — въ такой же шапкѣ, но вся въ розовомъ.

Надо замѣтить, что на послѣдней Бушери женился уже четыре года тому назадъ, т. е. когда ей было 12 лѣтъ.

Мы обмѣнялись любезностями; розовая жена скоро скрылась, побуждаемая выразительнымъ взглядомъ «передоваго» таранчинца, а осталась Гюль-Шараханъ.

Любимый ребенокъ, не замедлившій перебраться на руки къ отцу, имѣлъ правую сторону головы низко выстриженную, тогда какъ лѣвая покрывалась густыми черными и длинными волосами.

Когда я спросилъ о причинѣ такого обычая, то Бушери отвѣтилъ, что въ такомъ видѣ голова ребенка остается до четырехлѣтняго возраста, а затѣмъ волосы остригаютъ и вѣсятъ; сколько золотниковъ окажется въ нихъ, столько золота (по цѣнѣ) должно быть роздано бѣднымъ, которые будутъ молиться за здоровье маленькаго таранчинца.

Затѣмъ мы отправились опять въ мужской домъ, гдѣ подали дунганское кушанье «ланго». Оно готовится изъ рису, мяса, какихъ-то кореньевъ и всякой всячины и, что удивительно, подается въ низенькомъ широкомъ сосудѣ, посреди котораго стоитъ труба съ угольями, какъ въ самоварѣ; самъ сосудъ раздѣляется перегородками на отдѣленія, гдѣ и варятся отдѣльно, но въ одно время, мясо, рисъ и пр.

Допустивши, что подобные сосуды, извѣстные на востокѣ съ глубокой древности, заимствованы русскими отъ азіатскихъ народовъ, окажется, что, по всей вѣроятности, и самоваръ не есть наше изобрѣтеніе. А мы-то гордимся!

Бушери подарилъ мнѣ свою фотографическую карточку, снятую въ Москвѣ, и пожелалъ счастливаго пути.

Изъ Алексѣвки я направился по старо-кульджинской дорогѣ и, проѣхавши версть 12 до большой глиняной мазарки (могилы), свернулъ прямой тропинкой на селеніе Исыкъ. Мѣстность постепенно стала повышаться; у самыхъ горъ стоитъ казачій поселокъ, на берегу шумливой рѣчки, которая быстро стремится по камнямъ. Отъ Исыка до слѣдующаго мѣстечка Тургени считается также 12 версть. Темные сады его видны еще издали. Горизонтъ впереди упирается въ горный хребетъ, значительно опустившійся, пологій; въ томъ мѣстѣ находится тургельскій перевалъ, по которому мы должны были войти въ горы.

Прибавлю еще, что отъ самаго Вѣрнаго земля обрабатывается довольно прилежно. Орошеніе производится арыками, а сѣютъ обыкновенно ячмень, пшеницу, клеверъ и просо.

Проѣхавши не болѣе версты отъ селенія, сразу мы очутились въ живописномъ ущельѣ. Тропинка вьется по берегу быстрой р. Тургени, надъ нами громоздятся скалы, кусты арги съ своею зеленью рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ откосовъ. Все выше и выше поднимаются лошади, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ подъемовъ и спусковъ мы достигаемъ самаго высокаго перевала, имѣющаго 9,400 ф. вышины. Чудный видъ открывается отсюда; ущелья,

скалы, шумные потоки, причудливо нагроможденные камни, въ видѣ грибовъ колоссальныхъ размѣровъ, составляютъ прелестную панораму, которая разстилается у ногъ путешественника. Начали спускаться. Лошади скользятъ, мелкіе камни со звономъ сыпятся внизъ и исчезаютъ въ пропасти. Глубокій ровъ то выгланетъ изъ-за утеса, то опять спрячется; на днѣ его высокія ели кажутся маленькими деревцами; аулы киргизовъ—едва замѣтны, а пасущійся скотъ бѣлыми и темными точками.

Трудность пути заставила насъ остановиться близъ лѣса и рѣки Карачайле-Булакъ, разбить палатку и послать въ ближній аулъ за бараномъ на ужинъ. Но горы дали себя почувствовать. Покуда джигиты хлопотали объ устройствѣ ночлега, тучи надвинулись густою пеленою, заволокли даль и разразились ливнемъ, который продолжался вплоть до самой ночи. При этомъ температура упала до $+8^{\circ}\text{R}$, и пришлось закутаться въ шубу.

Долго не могъ я заснуть въ эту первую ночь, проводимую въ горахъ. Треснетъ ли что нибудь въ лѣсу, крикнетъ ли ночная птица, или кто нибудь изъ джигитовъ застонетъ во снѣ,—я вскакивалъ и напряженно прислушивался. Въ открытую палатку виднѣлось темное небо съ яркими звѣздами, черная громада утесовъ, догоравшій костеръ, да сторожевой киргизъ, пасущій лошадей; онъ тоже озябъ, примостился къ огню и грѣетъ свои заскорузлыя руки. А холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ до костей. Рано утромъ выступили дальше, направляясь на рѣку Асы.

Цѣлый день пробирались между многочисленными стадами и караванами киргизовъ, которые перекочевывали въ долины со всѣмъ своимъ имуществомъ. Картина была весьма красива.

Длинная вереница верблюдовъ мѣрно шагаетъ по тропинкамъ; одни навьючены кибитками, другіе — кухней, третьи — мѣшками съ хозяйственными принадлежностями; на нѣкоторыхъ покачиваются большія корзины и выглядываютъ хорошенькія лица только что проснувшихся дѣтей или мордочки очень молодыхъ ягнятъ и телятъ. Киргизки верхомъ (помужски) на лошадахъ тащатъ за веревку передняго верблюда. Кругомъ гарцуютъ дѣвушки; сѣдла ихъ расукрашены; преобладаетъ красный цвѣтъ; перетянутыя кушакомъ, въ синемъ халатѣ, со множествомъ длинныхъ разубранныхъ монетами косъ, онѣ чрезвычайно ловко управляютъ лошадыю: то мчатся въ карьеръ по крутому спуску, то перепрыгиваютъ черезъ глубокія рытвины; съ раскраснѣвшимися щеками и смѣлымъ взглядомъ черныхъ глазъ, эти амазонки весьма эффектны. И какимъ здоровьемъ дышетъ ихъ загорѣлое лицо, какъ естественъ румянецъ! Небольшая красивая голова или повязана краснымъ платкомъ, или скрывается подъ мѣховой шапочкой.

Слѣдомъ за женщинами идутъ киргизы, понукая стадо овецъ длинными палками. Часто старикъ, еле сидя на осѣдланной коровѣ,

занимается этимъ дѣломъ. Быки также нагружены дровами, турсуками съ кумысомъ, коврами... Киргизенокъ сидитъ поверхъ всего этого хлама и управляетъ веревкой, продѣтой въ ноздри; деревянное кольцо до крови раздраетъ ихъ, и бѣдное животное сопить и карабкается въ гору.

Случалось встрѣчать маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, лѣтъ по шести или семи, бойко сидящихъ на жеребятахъ, осѣдланныхъ въ нарядныя попоны.

И все это съ крикомъ, ревомъ, блянѣемъ, ржаніемъ и пѣснями идетъ и идетъ безъ конца.

Уже къ вечеру спустились мы въ долину Асы, но тропинка уперлась въ сухое русло рѣки, заваленное крупной галькой; только версть черезъ девять или десять начинаютъ попадаться сначала отдѣльные плесы, а затѣмъ какъ будто изъ земли выливается быстрая рѣка.

Слѣва впадаютъ въ долину нѣсколько ущельевъ, изъ которыхъ особенно живописно выглядятъ ущелье Кара-Арча, заросшее лѣсомъ.

На плоскихъ берегахъ Асы часто можно встрѣтить круглые большіе камни, расположенные на поверхности почвы въ видѣ правильныхъ круговъ. Это, по рассказамъ туземцевъ, могилы китайцевъ, прежнихъ владѣтелей края.

Въ одномъ мѣстѣ около такой могилы стояла, покосившись на сторону, каменная баба съ отбитымъ лицомъ.

Киргизскихъ мазарокъ всевозможныхъ величинъ и формъ падается множество. Впрочемъ, кочевники устраиваютъ себѣ и другаго рода памятники, нагромождая надъ могилой камни въ видѣ пирамидальной кучи. Пирамиды надъ умершими дѣтьми отличаются меньшими размѣрами и тѣмъ, что на ихъ вершинѣ родители обыкновенно оставляютъ ту колыбель, въ которой спалъ покойникъ.

Выѣхавши въ долину Асы, мы бѣли свидѣтелями грозы, разыгравшейся передъ нами въ горахъ. Темныя тучи пронизывались молніями во всѣхъ направленіяхъ, громъ непрерывными раскатами грохоталъ въ ущельяхъ. Пронесется туча въ сторону, и вся гора, надъ которой она стояла, оказывается бѣлою отъ града. Скоро всѣ вершины возвышенностей, растянувшихся по всему горизонту, оказались покрытыми какъ зимой бѣлымъ покровомъ.

Вѣтеръ переѣнился, и на насъ пахнуло такимъ холодомъ, что пришлось прибѣгнуть къ теплому платью.

Ночевка въ этотъ день была на крутомъ берегу Асы, у самаго лѣса. Хотя изъ палатки открывался прелестный видъ на громадную равнину, по которой извивалась рѣчка, паслись стада, въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны были аулы, тѣмъ не менѣе мнѣ было не до видовъ. Всѣ признаки «горной» болѣзни начали проявляться во всей своей силѣ: показалась кровь изъ носа, сердцебіеніе усилилось до такой степени, что я невольно останавливался

на каждомъ шагу, учащеннымъ дыханіемъ не могъ вдоволь надышаться. Незначительное усиліе бросало въ потъ, силы слабѣли и, въ концѣ концовъ, напала тоска невыносимая, воображеніе рисовало самыя безотрадныя картины.

Ночью, ко всему описанному, прибавилась жестокая головная боль, не позволившая заснуть ни на минуту.

Къ довершенію непріятности передъ разсвѣтомъ въ аулахъ поднялся гамъ, лай собакъ и выстрѣлы—киргизы прогоняли волковъ, которые смѣло бросаются почти каждую ночь на стада овецъ и коровъ. Я очень былъ радъ, когда въ щель надъ головой блеснулъ блѣдный свѣтъ утренней зари и когда можно было заняться сборами въ путь. Со стоянки на Асы тропинка идетъ по ущелью на перевалъ Драмбасъ вдоль рѣки, русло которой наполнено громадными камнями. Выйдя изъ этой россыпи галекъ, она круто поднимается на высокую куполообразную гору. Крутизна на столько значительна, что приходится ѣхать зигзагомъ до самаго верху, до высшей точки перевала. Одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей выбилась изъ силъ, остановилась и начала шататься. По счастью, съ нея быстро сняли тяжести, закрыли (по обычаю) морду шапкой и животное нѣсколько оправилось. На перевалѣ стоитъ большая куча камней; въ нее воткнуто множество палокъ, а на палкахъ прикрѣплены лоскутки разноцвѣтныхъ тканей, пучки конскихъ волосъ, брошены бараньи черепа и кости. Все это приношенія киргизовъ тому духу, который владѣетъ проходомъ, за счастливое окончаніе труднаго подъема.

Съ Драмбаса открывается чудная панорама; на горизонтѣ стоитъ мрачный Алатау, а отъ него внизъ сбѣгаютъ зеленыя предгорія. Еще нѣсколько спусковъ и менѣе значительныхъ подъемовъ—и мы достигли ущелья Кандыкъ-Тасъ. Отсюда разстилается широкая равнина съ характеромъ полынной степи и идетъ до самаго сухаго и значительнаго русла высохшей рѣки, имѣвшей когда-то много боковыхъ притоковъ. За высокимъ кряжемъ наносовъ вьется быстрая Дренишке. Въ одномъ мѣстѣ превосходно видно, какъ первая рѣка прорвала кряжъ и ринулась въ Дренишке; мѣсто для геолога весьма интересное. Берега покрыты зеленой травой, громадными зарослями азіатской крапивы и старыми тополями. Лѣвый берегъ крутъ, обрывистъ и представляетъ рѣзко обозначенные слои наносовъ. Когда мы подъѣзжали къ Дренишке, отъ воды поднялся мѣрными взмахами крыльевъ красивый черный аистъ. Туча ласточекъ носилась низко надъ землей.

Версть черезъ 15 добрались до ущелья, гдѣ Кара-Булакъ вливается въ Чиликъ и гдѣ существуетъ мостъ; рѣка (последняя) до такой степени бурна и быстра, что бродъ въ этомъ мѣстѣ не существуетъ, волны легко могутъ перевернуть всадника съ лошадыю.

Ущелье Чилика тѣмъ болѣе поражаетъ своей крутизной, что развертывается передъ путешественникомъ внезапно, — за десять шаговъ нельзя и ожидать, что степь вдругъ оборвется сразу и пересѣчется бурнымъ потокомъ.

Когда мы подъѣхали къ спуску, то глазамъ представилась слѣдующая картина: узкое ущелье, изгибаясь, уходило вправо и влѣво, стѣны его состоятъ изъ нагроможденныхъ камней громаднхъ размѣровъ, склонъ боковъ имѣеть, по крайней мѣрѣ, 45°; на днѣ глухо реветъ Чиликъ весь бѣлый какъ молоко, отъ пѣны; влѣво у громадной сѣрной глыбы прикрѣпленъ мостикъ изъ бревенъ и досокъ; одно бревно оторвалось и виситъ въ воздухѣ. Тропинка зигзагомъ извивается между камнями и поворачиваетъ иногда такъ круто, что лошади приходится на разстояніи одной сажени два раза перемѣнять направленіе. Часто эта тропинка маскируется колючимъ кустарникомъ или завалена мелкими круглыми гальками.

Таковъ спускъ къ Чилику. Не безъ нѣкоторой робости направилъ я лошадь на скакъ, отдаваясь вполнѣ благоразумію и осторожности животнаго. Медленно ступая, ощупывая ногами каждый камешекъ, пустился мой киргизскій конь по опасной дорогѣ. Часто приходилось совсѣмъ откидываться на сѣдлѣ назадъ и упираться въ стремяна, принимая лежачее положеніе. Едва поскользнется нога лошади, едва вырвется изъ-подъ копыта камень и со звономъ полетитъ въ пропасть, ужъ думаешь, что и самъ летишь внизъ головою. Долго продолжается такая пытка. Но вотъ и мостикъ. Нѣсколько караульныхъ киргизовъ, живущихъ въ шалашѣ изъ сухихъ вѣтокъ, просятъ сойти съ сѣдла и въ рукахъ провожаютъ лошадей по качающимся бревнамъ. А подъ ними рвется и мечется Чиликъ, обдаетъ брызгами и шумитъ такъ, что съ трудомъ можно разговаривать.

Оправивши вьюки и напившись холодной воды, начали снова подыматься по берегу прозрачнаго Кара-Булака. Подъемъ не такъ крутъ и опасенъ, а за нимъ опять холмистая степь съ выжженной травой. Только около водомоинъ зеленѣютъ кустарники и злаки. Вотъ и рѣка Мерке въ живописной долинѣ съ красивыми и стройными елями. Прозрачная вода съ тихимъ шумомъ струится по каменистому дну; видны разноцвѣтныя гальки, обрывки зеленой водоросли. Изрѣдка блеснетъ золотомъ отломокъ слюды и снова исчезнетъ, унесенный волной.

Потомъ слѣдуетъ опять длинная и высокая гора; на нее опять надо взбираться по ломаной линіи—иначе взѣхать нѣтъ физической возможности. А тамъ снова холмистая степная мѣстность и крутой спускъ ко второй Мерке, которая еще живописнѣе первой. Амфитеатромъ подымаются со всѣхъ сторонъ горы, окружая широкую долину, покрытую сочной зеленой травой. Кое-гдѣ на утесахъ

стоять горделиво ели съ сѣрой корой, покрытой бородачатымъ лишайникомъ, точно закутанныя въ плащъ.

Такъ какъ было уже поздно, то остановились на берегу рѣки, въ аулѣ. Прїѣздъ нашъ произвелъ переполохъ. Киргизы заметались въ разныя стороны: кто разводилъ огонь, кто тащилъ на закланіе барана, кто предлагалъ кумысу. Не больше какъ черезъ часъ появилась огромная грязная деревянная чашка, на которой лежалъ изрѣзанный на куски баранъ. О хлѣбѣ и соли киргизы имѣютъ весьма смутное понятіе, поэтому пришлось погрызть булки, захваченныя еще изъ Вѣрнаго и превратившіяся въ камень. Тутъ же подали намъ кусокъ мяса, поджареннаго на угольяхъ и растянутаго на тонкихъ палочкахъ; это кушанье весьма вкусно, когда чувствуешь волчій голодъ.

Закутавшись въ шубы, занялись мы ужиномъ. Термометръ показывалъ $+7^{\circ}$ R.

Рано утромъ, на другой день, пока выючили лошадей, къ рѣкѣ подошло большое стадо рябчиковъ. Ихъ своеобразное клохтанье возбуждало въ нашемъ джигитѣ кровожадные инстинкты; онъ схватилъ ружье и ползкомъ направился въ кустарникъ. Вскорѣ послышался выстрѣлъ, и одна изъ молоденькихъ птицъ попала къ намъ въ торока. Мы были рады тому, что хоть на одинъ день имѣли возможность обойтись безъ баранины. Затѣмъ, поднявшись долиною Мерке, верстъ черезъ 10 достигли роскошнаго ущелья, по которому невидимая шумитъ рѣка Кенгъ-Су. Отвѣсныя сѣрые берега, усѣянные скалами самыхъ разнообразныхъ очертаній, прячуть грохочущій потокъ. Старыя ели нависли надъ нимъ и покрываютъ скаты живописными группами. Только изрѣдка блеснетъ гдѣ нибудь между кустами вода и только изрѣдка увидишь ея русло. Однимъ словомъ, ущелье можетъ спорить съ любымъ прославленнымъ мѣстомъ въ Альпахъ. Только природа здѣсь дикая. Нѣтъ ни удобныхъ отелей, ни краснаго вина, ни любезныхъ гидовъ... Кромѣ рева воды, нѣтъ другихъ звуковъ, кромѣ плавающихъ въ воздухѣ орловъ — нѣтъ ничего живаго.

Проѣхавъ верстъ шесть по крутому косоугору, выбрались на небольшую полянку, гдѣ кочевалъ аулъ. Мы напились чаю, перемѣнили лошадей и отправились далѣе. Путь лежалъ лѣсомъ, дорога подымалась все выше и выше на высокую и мрачную гору, острый гребень которой рѣзко выдѣлялся на голубомъ небѣ. Выѣхали изъ лѣса; тропинка пошла по голой вершинѣ; направо и налево въ глубокихъ пропастяхъ лежалъ снѣгъ; мы подыались еще выше. Наконецъ, вотъ и вершина перевала Талбугаты въ 9,000 ф.

Рѣзкій и холодный вѣтеръ, гуляющій здѣсь на просторѣ, срывалъ шапку съ головы. Вдали передо мною тянулись ряды высокихъ холмовъ, за ними стѣной вздымался снѣговой хребетъ, лежащій уже по ту сторону озера Иссыкъ-Куля.

Спускъ съ перевала нетруденъ; скоро вѣзжаешь въ лѣсъ, пересѣкаешь въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣку, впадающую въ Тупь, и, такимъ образомъ, попадаешь въ водную систему огромнаго озера, столь интереснаго, что ничего подобнаго не найдешь во всемъ Тянь-Шанѣ.

Остановившись у кара-киргизовъ въ кибиткѣ, я попросилъ джигита съѣздить въ табунъ и достать намъ лошадей назавтра. Черезъ полчаса онъ явился назадъ въ истерзанномъ видѣ и заявилъ, что табунщики избили его нагайкой, а товарища чуть не задушили. Дѣло становилось серьезнымъ. Я предлагалъ своему хозяину посмотреть свое предписаніе отъ губернатора, написанное на двухъ языкахъ, въ доказательство того, что я вправѣ требовать вьючныхъ лошадей и провожатыхъ.

Хозяинъ мой утверждалъ, что табунъ «джокъ» (т. е. табуна нѣтъ), тогда какъ съ перевала онъ намъ былъ отлично виденъ.

Тогда я пригрозилъ, сказалъ, что пожалуюсь уѣздному начальству въ Караколѣ, а прежнимъ киргизамъ пообѣщалъ хорошій «склау» (т. е. на водку), если они меня доставятъ до города. На это послѣдовало полное согласіе, и я улегся подъ непосредственнымъ кровомъ. Ночью провожатые не спали, карауля нашъ табунъ вьючныхъ лошадей, а рано утромъ я сѣлъ на лошадь и не захотѣлъ выпить чая.

Явился хозяинъ съ лошадьми и просилъ оставить дѣло. Но надо было выдержать характеръ, и я, повторивъ еще разъ, что уѣздный начальникъ взыщетъ съ нихъ за обиду, уѣхалъ.

Не отошли мы и пяти верстъ, едва успѣли перейти въ бродъ р. Тупь, какъ пошелъ мелкій назойливый дождь, окрестность спряталась въ туманъ, подулъ холодный вѣтеръ.

Джигитъ предложилъ остановиться въ аулѣ на половинѣ дороги и, принявъ мое молчаніе за знакъ согласія, ускакалъ въ сторону. Мы послѣдовали шагомъ за нимъ, но потеряли его изъ виду. Пришлось брать по тому направленію, по которому исчезъ киргизъ, и скоро добрались до крутаго обрыва; на днѣ его текла р. Дрегалакъ. Куда ѣхать? за дождемъ не видно было ничего вдаль. Спустились внизъ, поднялись опять по скользкимъ откосамъ — никого нѣтъ. А дождь все барабанить по моему непромокаемому капюшону. Наконецъ, на горѣ показался всадникъ, то былъ джигитъ. Измощенные до костей, мы ударили по лошадямъ и скоро нашли аулъ. Три изорванныя кибитки еле защищали отъ сырости и холода, разложенный костеръ дымилъ ужасно... Опять подали вареную баранину безъ соли и хлѣба. Въ дверь поналѣзло человѣкъ двадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Они съ завистью поглядывали на насъ, когда мы ѣли, и, получивъ остатки мяса, мигомъ его уничтожили.

Вообще вездѣ, гдѣ мы ѣли баранину, нашу кибитку обступали жители аула и ждали подачки. Часто подымалась драка изъ-за

куска мяса и даже обглоданной кости. Разъ мой человѣкъ бросилъ кость худой и голодной сабакѣ, но едва бѣдный песъ кинулся за лакомымъ кускомъ, какъ получилъ ударъ въ бокъ: старая киргизка вырвала чуть не изъ пасти кость и съ наслажденіемъ начала ее уплетать, на сколько позволяли зубы.

Мнѣ потомъ объясняли, что киргизы рѣдко рѣжутъ барановъ для своей надобности лѣтомъ, а питаются въ это время молокомъ, болтушкой и лепешками. Понятно, что пріѣздъ русскаго «тюра» является прекраснымъ предлогомъ поѣсть любимаго кушанья, къ которому они привыкли съ малыхъ лѣтъ.

Между тѣмъ дождь пересталъ, мы немного осушились и, расплатившись съ крикливой и оборванной хозяйкой, вышли изъ кибитки. Синія горы были совсѣмъ близко, разорванныя облака, какъ клочья ваты, стлались низко-низко по ихъ бокамъ и скоплялись въ глубокихъ ущельяхъ и трещинахъ. Небо начало расчищаться, блеснуло даже солнце. Едва выѣхали на пригорокъ, какъ передъ нами открылся Караколь. Оказывается, что мы отъ него были всего верстахъ въ пяти.

Бойко пошли наши лошади, шлепая по грязи, всѣ немного ободрились. Вотъ и городъ, маленькій, невзрачный, скрытый тальникомъ, орошаемый арыками. Тѣ же калмыки, тѣ же киргизы, всадники на лошадяхъ и быкахъ, стая злыхъ собакъ, съ яростью кидющихся на прѣзжаго.

Явился вопросъ: гдѣ остановиться? Джигитъ указалъ на какого-то Павла. Подѣзжаемъ, посылаемъ человѣка просить гостепріимства и получаемъ отказъ; даже ворота не открылись, а сквозь щель сверкнули чьи-то любопытные глаза и... больше ничего.

Подѣзжаемъ къ другому дому — то же. Я собирался уже разбить палатку среди улицы, какъ вдругъ блеснула мысль отправиться прямо къ уѣздному начальнику и просить его помощи. Дѣйствительно мнѣ не пришлось раскayаться. Тотчасъ же пришелъ полицейскій, найденъ былъ пустой необитаемый домъ, явилась мебель, и мы водворились на квартиру.

Пріятно было отдохнуть подъ крышей и сознавать, что холодный вѣтеръ и дождь не будутъ уже здѣсь беспокоить.

Горячая рисовая каша и жареные цыплята, которыми угостила насъ добрая бабушка, показались чрезвычайно вкусными. Утоливъ голодъ, легли на складныя кровати и забыли всѣ невзгоды и непріятности.

Если самъ городокъ Караколь не представляетъ собою ничего особеннаго, то окрестности его до такой степени интересны для натуралиста, что ѣздить сюда на нѣсколько дней или недѣль — значить осмотрѣть все слишкомъ бѣгло. Здѣсь надо пожить полгода или годъ, и только тогда можно сдѣлать что нибудь солидное.

Отдохнувши одинъ денекъ, я отправился прежде всего поѣхать горячіе цѣлебные ключи, находящіеся отъ города въ 15 верстахъ. Ровная дорога (колесная) ведетъ къ поселенію малороссовъ и оттуда въ ущелье рѣки Акъ-су, подымаясь на значительную высоту.

Громады сѣрыхъ скалъ стоятъ съ двухъ сторонъ отвѣсными стѣнами; надъ обрывомъ раскинулся еловый лѣсъ, а на днѣ его съ ревомъ и пѣной низвергается рѣка. Какъ разъ по срединѣ, точно вдѣланная въ рамку картина, виднѣется бѣлая вершина горы Акъ-су, вся заваленная снѣгомъ и скованная льдомъ.

По теченію рѣки имѣется нѣсколько мѣстъ съ теплыми ключами. Самый верхній (на правомъ берегу) обдѣланъ и превращенъ въ прекрасную ванну; по моимъ измѣреніямъ, онъ имѣетъ $+33^{\circ}$ R., при температурѣ воздуха въ $+22^{\circ}$ R. (въ тѣни); второй, также отдѣланный внизу (на лѣвомъ берегу), имѣетъ $+34^{\circ}$ R. Кромѣ того, существуетъ много неразработанныхъ ручейковъ горячей воды, пробирающихся по камнямъ, а въ одномъ мѣстѣ изъ трещины постоянно льетъ теплый дождь. У ключей имѣются номера для больныхъ, довольно удобно построенные. Нижній ключъ (солдатскій) издаетъ слегка запахъ сѣры, а съ поверхности воды постоянно поднимаются легкія облачка пара. Говорятъ, что въ ущельѣ еще верстъ 16 вверхъ существуетъ большой бассейнъ (необдѣланный) горячей воды въ $+40^{\circ}$ R. Киргизы рассказываютъ даже, что одному изъ кочевниковъ надоѣло жить и онъ бросился въ бассейнъ, гдѣ моментально сварился. Но несравненно интереснѣе всякихъ ключей, по-моему, является громадное озеро или море Иссыкъ-Куль, о которомъ мы говорили раньше. Оно заключено, точно въ чашѣ, въ исполинской котловинѣ, образуемой развѣтвленіями Тянь-Шаня. Размѣры этой котловины гораздо больше, нежели размѣры озера, а именно: озеро имѣетъ въ длину $172\frac{1}{2}$ версты, въ ширину 56 верстъ, тогда какъ длина котловины = 250 верстамъ, а ширина до 80 верстъ.

Цвѣтъ воды зеленый, аквамаиновый; волны прозрачны, и въ тихую погоду дно видно на очень глубокихъ мѣстахъ; вкусъ горько-соленый, морской. Вотъ причины, почему туземцы называютъ это озеро моремъ.

Происхожденіе такого громаднаго водянаго бассейна весьма загадочно. Одни думаютъ, что онъ въ отдаленную геологическую эпоху составлялъ одно общее море вмѣстѣ съ Каспіемъ, Араломъ и Балхашомъ, но потомъ раздѣлился. Съ другой же стороны, въ виду того, что на берегу Иссыкъ-Куля находятъ и до сихъ поръ остатки посуды, кирпича и человѣческія кости, нѣкоторые допускаютъ, что озеро появилось на мѣстѣ громаднаго провала, подобно Мертвому морю. Съ послѣднимъ мнѣніемъ, однако, многіе геологи несогласны (Рамановскій).

Существуетъ легенда у киргизовъ, которая гласитъ слѣдующее.

Давно, очень давно, вмѣсто озера разстилалась огромная равнина, на которой кочевали народы со своими многочисленными стадами.

Въ одномъ мѣстѣ долины находился колодезь; вода изъ него вытекала съ такой силой, что каждый, приходившій съ ведрами, тотчасъ же спѣшилъ завалить отверстіе бассейна тяжелымъ камнемъ, какъ только сосуды были наполнены.

Въ это доброе время жили да были одна дѣвушка-красавица и молодой джигитъ, страстно въ нее влюбленный. Казалось бы, и свадьба могла состояться, если бы не родители, которые почему-то объ этомъ и слышать не хотѣли. Мало того, они запретили молодымъ людямъ даже видѣться. Но страсть не унималась. Однажды, дѣвушка назначила своему возлюбленному свиданіе у колодезя. Онъ, конечно, явился. Камень былъ отваленъ, ведра подставлены подъ струю воды, а молодые люди, тѣмъ временемъ, занялись разговоромъ. Долго ли, коротко ли они наслаждались, сказать трудно, но вдругъ послышался шумъ потока, и изъ отверстія колодца хлынула такая масса воды, что погубила влюбленную пару, разлилась по равнинѣ и потопила все, что встрѣтилось ей на пути.

Эта незатѣйливая фабула, какъ мнѣ кажется, доказываетъ, во-первыхъ, что происхожденіе ея весьма древне, а, во-вторыхъ, что дѣйствительно Иссыкъ-Куль произошелъ въ силу какой нибудь внезапной катастрофы. Въ настоящее время уровень моря понижается все больше и больше. Въ Караколѣ живетъ одинъ старикъ Ребяновъ, 85 лѣтъ, который рыбачитъ на озерѣ одиннадцать лѣтъ. Онъ лично показывалъ мнѣ мѣста, гдѣ за послѣднія 10 лѣтъ вода отошла, по крайней мѣрѣ, на 100 саж. Иссыкъ-куль долженъ считаться весьма глубокимъ. Берегъ его мѣстами обрывистъ и глубина дна достигаетъ 150 саж., въ другихъ мѣстахъ на версту можно пройти совершенно свободно — до такой степени вода мелка; наконецъ, по срединѣ, говорятъ, и дна не достанешь¹⁾.

Море никогда не замерзаетъ; только заливы покрываются тонкимъ слоемъ льда. Вслѣдствіе этого оно получило названіе по-киргизски Иссыкъ-Куль, по-китайски Же-хай, что означаетъ теплое. У монголовъ и калмыковъ море это извѣстно подъ именемъ Темурту-норъ, что значитъ — желѣзистое озеро, по причинѣ чернаго шлиха, покрывающаго дно и берега. Кара-киргизы, говорятъ, умѣютъ сваривать этотъ шлихъ и получать довольно порядочное желѣзо (?).

Рыба здѣсь водится въ большомъ количествѣ, но ею пользуются только одни русскіе. Берега покрыты дичью — утками, гусями и проч.

Зима на Иссыкъ-Кулѣ довольно суровая, снѣгъ хотя и выпадаетъ глубокой, но скоро сдувается сильными вѣтрами.

Благодаря любезности полковника В., я имѣлъ возможность посѣтить Иссыкъ-Куль не одинъ разъ. Онъ далъ намъ свою лодку, гребцовъ, пригласилъ старика Ребянова и самъ даже поѣхалъ на Кой-Сару, мѣстность, лежащую на юго-восточномъ берегу и инте-

¹⁾ И. А. Колпаковский передавалъ мнѣ, что онъ опускалъ лотъ въ 285 саж., и дна достать не могъ.

ресную въ томъ отношеніи, что тамъ болѣе всего выбрасываются кости, кирпичи и всякая всячина.

Когда мы вышли изъ маленькой бухты, на берегу которой расположенъ лагерь линейнаго баталіона, все шло хорошо. Зеленныя волны съ легкимъ шумомъ ударили въ бокъ лодки, и неумѣлые гребцы кое-какъ справлялись. Но мало-по-малу погода измѣнилась, подулъ вѣтеръ, небо нахмурилось, пошелъ дождь. Волненіе не давало идти скоро, и мы добрались до мыса, отдѣляющаго заливъ отъ открытаго моря, только черезъ четыре часа, не смотря на то, что считается здѣсь всего 10 верстъ.

Измученные вышли мы на берегъ и подъ предводительствомъ Ребянова пустились на Кой-Сары. Дѣйствительно, весь берегъ у прибоя загроможденъ человѣческими костями, битой посудой, кирпичами и раковинами. Глина, изъ которой сдѣлана посуда, совсѣмъ непохожа (въ отдѣлкѣ) на глину нынѣшнюю и отличается своею прочностью. Громадное количество человѣческихъ костей, какъ мнѣ, кажется, указываетъ дѣйствительно на внезапность катастрофы, хотя опредѣлить, въ чемъ состояла она, я не берусь. Если бѣ вода постепенно отступала или наполняла бы котловину, то, понятво, и народъ уходилъ бы отъ нея. Здѣсь же на разстояніи трехъ аршинъ я могъ найдти 8 нижнихъ челюстей.

Ѣхать въ открытое море, чтобы осмотрѣть подводныя строенія, было немислимо, по случаю подвѣившагося волненія; возвращаться на лодкѣ — также, въ виду наступившихъ сумерекъ. Мы зашли въ ближній ауль, взяли лошадей и вернулись въ лагерь уже поздно вечеромъ верхомъ.

Я выждалъ, когда погода установилась, и снова отправился верхомъ вмѣстѣ съ полковникомъ В. и нѣкоторыми другими офицерами на озеро. Впередъ, еще наканунѣ, была откомандирована на Кой-Сару парусная лодка. Дѣйствительно, мы собрались тамъ въ ясное солнечное утро, и хотя вода была прозрачна, но волненіе, всетаки, сильно. Не смотря на это, отчалили отъ плоскаго берега и ушли въ открытое море. Поднялась порядочная качка, волны хлестали иногда черезъ бортъ. Вдали чернѣла гряда какихъ-то камней, о которые съ шумомъ разбивался прибой. То были подводныя зданія, или, какъ здѣсь называютъ, стѣна крѣпости. Мы подѣхали вплоть къ рифу, я вышелъ даже изъ лодки и сталъ на него; здѣсь не болѣе четверти глубиной. И, всетаки, долженъ высказаться, что никакихъ построекъ здѣсь не существуетъ, что рифъ есть не что иное, какъ край глиняной обрывистой террасы, которая выступаетъ въ настоящее время изъ-подъ воды въ силу того, что озеро становится болѣе мелкимъ.

Мнѣ кажется даже страннымъ допускать существованіе крѣпости и относить ее къ той эпохѣ, къ какой относятъ всѣ вещи, находимыя въ морѣ. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось приобрѣсти достаточно хорошихъ сосудовъ и другихъ предметовъ, выброшен-

ныхъ волнами на Кой-Сарѣ, и, кромѣ того, бронзовые молотокъ, ножъ, иглы и проч., вырытые тоже на берегу, но около селенія Преображенскаго, стоящаго на восточномъ краѣ моря. Если жители Иссикъ-Куля, погибшіе при катастрофѣ, принадлежали къ бронзовому вѣку, то о крѣпости не можетъ быть и рѣчи. Къ тому же остатки древностей, по всей вѣроятности, относятся не къ одной эпохѣ, а къ нѣсколькимъ. Мнѣ говорили, будто монеты изъ озера были испанскія (?). Не правильнѣе ли будетъ заключить, что существовало нѣсколько геологическихъ переворотовъ (какихъ?—сказать трудно), послѣдствіемъ которыхъ была гибель нѣсколькихъ поколѣній? Тогда будетъ понятно несходство находокъ, тогда будетъ понятно, почему древности относятся и къ бронзовому вѣку, и къ болѣе позднимъ.

Что же касается до крѣпости и вообще подводныхъ построекъ, то существованіе ихъ слѣдуетъ отнести въ область фантазіи.

Налюбовавшись озеромъ, набравши нѣсколько мѣшковъ древностей, мы вернулись въ лагерь. Чудный вечеръ спустился на вершины Алатау, луна выплыла на безоблачное небо, вдали шумѣлъ морской прибой... Гдѣ-то на фисгармоникѣ играли отрывки изъ «Жизни за царя»...

Прошлись по маленькому садику и наткнулись еще на невиданное явленіе: подъ темной листвою кустарниковъ сверкалъ фосфорическій свѣтъ, точно голубоватыя угольки разбросаны были повсюду... Можно было принять, что видишь передъ собою Иванова червячка, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто невзрачнаго «червячка» я увидѣлъ нѣжнаго зеленоватаго комара. Говорятъ, ихъ здѣсь весьма много; они не кусаютъ, летаютъ вначалѣ очень охотно, но не издаютъ свѣта; а потомъ садятся, становятся вялыми и начинаютъ изливаться фосфорическое сіяніе. Въ это время комара легко брать руками.

Водятся такіе «свѣтляки», какъ ихъ здѣсь называютъ, по всему берегу моря Иссикъ-Куля, и показываются только въ теплые вечера. Свѣтъ, выдѣляемый ими, не ограничивается однимъ какимъ нибудь мѣстомъ брюшка, а все тѣло ихъ въ темнотѣ кажется продолговатымъ зеленоватымъ огонькомъ, безразлично сверху и снизу. Я собралъ немного такихъ диковинокъ, распрошлся съ любезными офицерами и отправился въ Караколь, чтобы оттуда двинуться въ дальнѣйшій путь.

Ярко свѣтила луна, когда нашъ тарантасъ выѣхалъ изъ лагеря. Со всѣхъ сторонъ подымались и синѣли горы, сверкали ихъ свѣжныя верхушкѣ. Тройка бойкихъ лошадокъ мчалась по ровной дорогѣ. Изъ тумана бѣжалъ къ намъ навстрѣчу уснувшій Караколь.

Н. Сорокинъ.

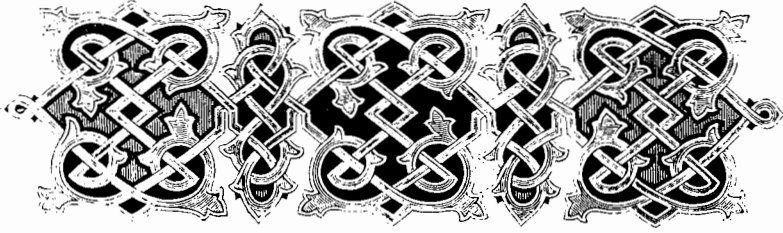
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

І Ю Н Ъ , 1886.

ВЪ ГОРАХЪ И ДОЛИНАХЪ РУССКАГО ТЯНЬ-ШАНЯ ¹⁾.

ВЪ ПОЛДЕНЬ 28-го іюля, мы выѣхали изъ Каракола, направляясь въ глухія горныя трущобы, мало кому доступныя. Только до первой станціи (до выселка русскихъ Сливкино) пролегаетъ хорошая колесная дорога, дальше же вьется тропинка, по которой можно проѣхать только на привычныхъ горныхъ лошадкахъ.

Благодаря добрымъ совѣтамъ И. А. Колпаковского, на этотъ разъ я поступилъ болѣе обдуманно, а именно: написалъ въ Пишпекъ и Наманганъ письма, прося мѣстное начальство содѣйствовать моему путешествію; было указано направленіе моего пути, приблизительное число верстъ, проходимыхъ каждый день, и, слѣдовательно, являлась возможность заготовить мнѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ проводниковъ и провизію. Кромѣ того, И. А. впередъ отправилъ джигита, чтобы сдѣлать то же самое въ Иссыкъ-Кульскомъ урочищѣ.

Наконецъ, грубый и пьяный переводчикъ Сассыкъ, котораго я нанялъ въ Вѣрномъ, былъ прогнанъ, и его мѣсто занялъ молодой и расторопный туземецъ Деркенъ-бай, превосходно владѣющій русскимъ языкомъ и оказавшій мнѣ дѣйствительно много услугъ.

День нашего отъѣзда изъ Каракола былъ чудесный. Яркое солнце свѣтило и грѣло порядочно, чистый горный воздухъ живительной струей вливался въ грудь, вѣтерокъ пріятно дулъ въ лицо.

Наши лошади отдохнули и бойко шлепали по грязнымъ лужамъ. Налѣво громадной стѣной стояли горы, чуть не до подошвы по-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 360.

крытыя снѣгомъ; въ ущельяхъ висѣли тяжелыя тучи; кое-гдѣ разорванными клочками цѣплялись облака за остроконечныя вершины.

На полдорогѣ до Сливкино, мы заѣзжали къ богатому киргизу Чина-баю и пили тамъ чай вмѣстѣ съ И. А., который любезно взялся проводить насъ до этого мѣста.

Чина-бай принадлежитъ къ числу вліятельныхъ туземцевъ, занималъ какую-то должность довольно важную, и теперь, живя на покой, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Особенно интересно то, что живетъ онъ на европейскій ладъ въ выстроенномъ домѣ; домъ состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ; намъ показывали кабинетъ, гостинную и проч., но большая часть этихъ пріемныхъ почти пуста; кое-гдѣ стоятъ складные стулья, такой же столъ, висятъ часы, остановившіеся на 6 часахъ, а въ кабинетѣ совсѣмъ не имѣется ни скамейки, ни чего либо другаго.

Впрочемъ, надо замѣтить, что семья Чина-бая въ это время еще не возвращалась изъ горъ, гдѣ она проводитъ лѣто, ютась въ привычныхъ кибиткахъ, грѣясь около костровъ, слушая шумъ горныхъ рѣчекъ. Отъ этой привычки нескоро отстанутъ киргизы; но, какъ устраиваются обитатели дома на зиму, наполняются ли комнаты въ это время и проч.,—сказать не берусь.

Любезный хозяинъ до сихъ поръ держитъ себя бодро и очень красивъ въ своемъ халатѣ и синей тебетейкѣ, надѣтой на затылокъ. Онъ употребляетъ все отъ него зависящее, чтобы накормить и напоить насъ, и мы выѣхали уже довольно поздно, провожаемые благими пожеланіями И. А., Чина-бая и его многочисленной свиты.

Прямо, безъ всякихъ тропинокъ, слѣдуя за проводникомъ, перерѣзали мы площадь, заросшую степными выгорѣвшими растеніями и версты за три до деревни снова вышли на битую дорогу. Вдали темнѣли деревья, громоздилась куча деревенскихъ построекъ.

Быстро помчались мы, стараясь пораньше добраться до ночлега, но сумерки сгущались, туманъ закрылъ горы и охватилъ насъ влажнымъ холодомъ.

Но вотъ и деревня. На единственной улицѣ стоитъ толпа народа; мужики въ новыхъ кафтанахъ; кое у кого видны медали на груди; на заваленкахъ избъ сидятъ и стоятъ бабы, дѣти, старухи. Провожатый нашъ скачетъ дальше, мы—за нимъ. Шапки снимаются почтительно съ головъ, поселенцы съ любопытствомъ смотрятъ на насъ и любезно раскланиваются. Около одной избы толпа особенно многочисленна, здѣсь стоятъ старшины и прочія власти. Проводникъ остановился, мы—тоже. Десятки рукъ протянулись къ моей лошади, помогаютъ мнѣ слѣзть съ сѣдла. Тутъ только я сообразилъ, что весь этотъ праздникъ устроился самъ собою, по случаю нашего пріѣзда; джигитъ, посланный уѣзднымъ начальникомъ, разсказалъ, вѣроятно, о насъ такія небылицы, что поселяне сочли

меня за что нибудь очень важное. И дѣйствительно, староста постоянно называлъ меня «ваше высокопревосходительство».

Войдя въ комнату, приготовленную для насъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ столъ, накрытый чистой и бѣлой скатертью, блестящій самоваръ, даже сдобныя булки... Затѣмъ слѣдовалъ сытный ужинъ и крѣпкій сонъ на мягкой перинѣ. Всѣмъ этимъ хотѣлось хорошенько воспользоваться, помня, что надолго опять придется забыть всякій намекъ на комфортъ.

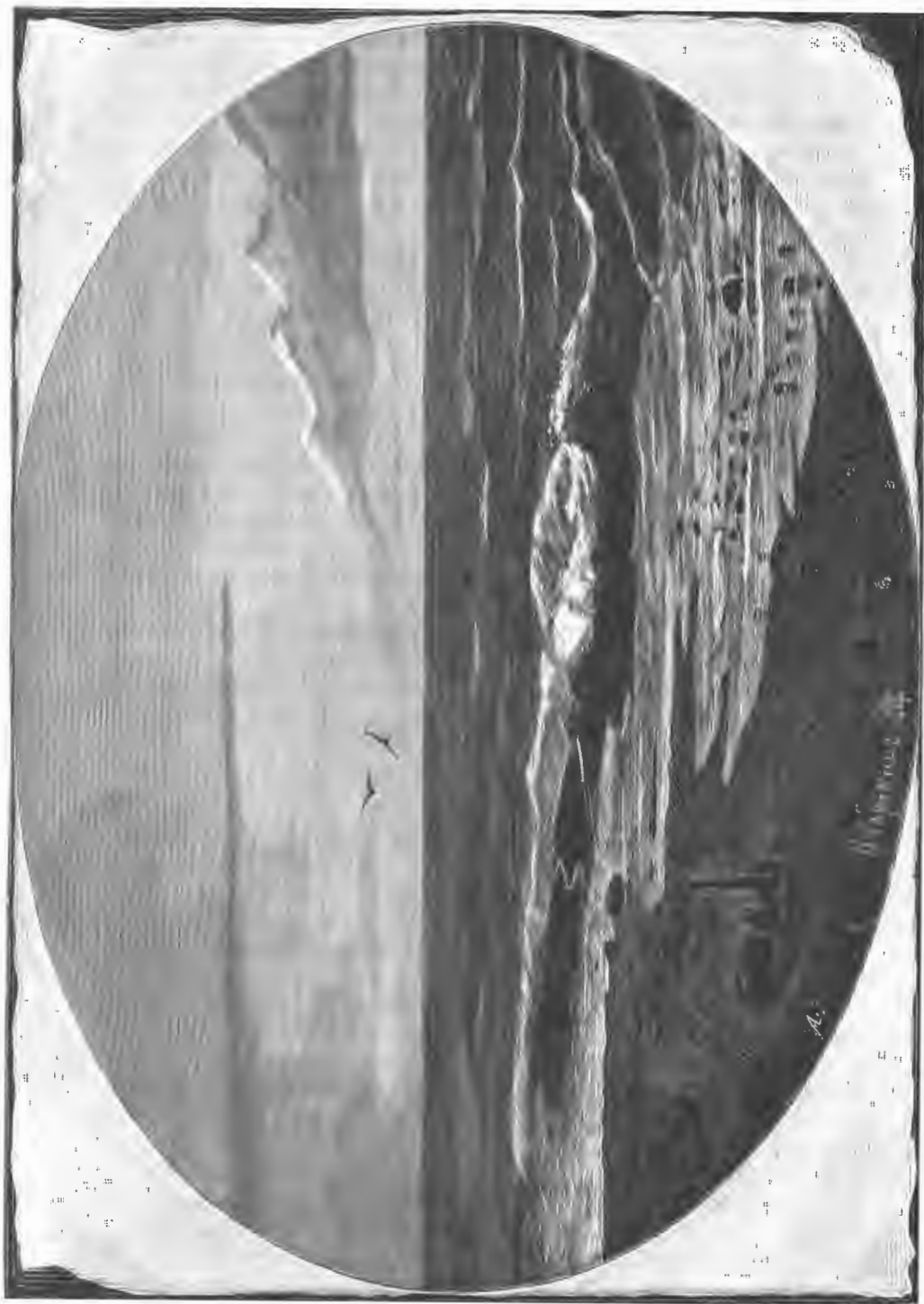
На другой день, когда мы проснулись, солнце уже встало. Лучи его цѣлымъ снопомъ ударили въ маленькое окно и играли на иконахъ, сухихъ цвѣтахъ, которые украшали святой уголь и на картинкахъ, развѣшанныхъ по стѣнѣ. Надо было разставаться съ гостепріимными поселенцами и выступить по направленію къ ущелью Барскауна, гдѣ заготовлена кибитка.

Мы пересѣкли нѣсколько рѣкъ, еле пробивающихся между громадными гальками, взбираемся на высокіе и длинные холмы и, наконецъ, выѣзжаемъ на берегъ моря Иссыкъ-Куля, который раскинулъ свою зеленую аквамариновую скатерть на необозримое пространство. Горы по ту сторону моря еле-еле синѣютъ; на нихъ стояли тяжелыя темныя тучи; кое-гдѣ сверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ снѣгъ.

Не доѣзжая немного до кибитки, изъ-за темныхъ скалъ выѣхало нѣсколько всадниковъ, слѣзли съ коней, сняли шапки. Это старшины явились встрѣтить меня и проводить на ночлегъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, отправились дальше, и скоро очаровательная долина развернулась передъ нами. Узкой трещиной шла она отъ самыхъ горъ и, расширяясь все больше и больше, спускалась къ морю. Налѣво стояли снѣговые гиганты, на днѣ ущелья журчалъ Барскаунъ, со всѣхъ сторонъ врѣзывались въ голубое небо острыя скалы, краснаго оттѣнка; вездѣ рытвины, вездѣ обвалы... На берегу зеленая высокая и сочная трава ковромъ прикрывала каменистую почву. Здѣсь стояла кибитка, приготовлены были лошади... Нѣсколько поодаль двое киргизовъ возились около зарѣзаннаго барана.

Сама кибитка устлана коврами, украшена пестрыми кошмами. Я пригласилъ старшинъ выпить со мною чая, побесѣдовать и покурить папирсъ, до которыхъ они большіе охотники.

Слуга мой Яковъ, толстый и коренастый казанецъ, соблазнился криками рябчиковъ, взялъ ружье и отправился на охоту. Это случилось каждый день, и каждый день онъ возвращался съ пустыми руками, осыпаясь насмѣшками киргизовъ. Для него, повидимому, нравился собственно процессъ выслѣживанія добычи, стрѣліянія и заряжанія вновь ружья. За все время ему удалось убить только двухъ несчастныхъ сурковъ, да и то въ упоръ (промахнуться было невозможно, такъ какъ животныя забились подъ камень).

Видъ озера Иссыгъ-Куля (на высотѣ 5,400 ф.).

Вечеръ былъ чудный. Въ воздухѣ рѣяла цѣлая стая журавлей, покрякивали бѣлоголовые орлы; о рябчикахъ и говорить нечего, они задавали цѣлый концертъ и точками чернѣли на скатахъ горъ. Такова была обстановка нашего бивуака на Барскаунѣ.

Дальше дорога становится еще интереснѣе. Тропинка бѣжитъ какъ разъ у самаго прибоя морскихъ волнъ. Слѣва то отступаютъ, то приближаются отроги горъ; то они уступами спускаются къ водѣ, то сразу оканчиваются отвѣсными стѣнами, о которыя съ шумомъ и ревомъ разбивается морская пѣна. Все это глинистые наносы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они до такой степени прихотливо размыты дождями, что представляются полуразрушенными замками съ зубчатыми стѣнами, высокими башнями, бойницами, окнами и дверями. Иногда дождевой потокъ, роясь глубоко въ рыхлой почвѣ, продѣлываетъ себѣ настоящій тоннель въ нѣсколько сажень длины.

Такіе точно осадочные гребни встрѣчаются, по моему мнѣнію, и въ морѣ; одинъ изъ такихъ гребней и послужилъ поводомъ думать, что на днѣ Иссыкъ-Куля стоитъ потонувшій городъ съ крѣпостью.

Въ особенности въ одномъ мѣстѣ глиняная стѣна наноса необыкновенно грандіозна: представьте себѣ на берегу, какъ разъ надъ водой, громадную массу, сажень въ 15 или больше; вся она какъ будто нарочно украшена колоннами, стрѣльчатыми окнами и висящими на воздухѣ балконами. Какія-то маленькія птички съ крикомъ вылетали изъ трещинъ, при нашемъ приближеніи; нависшія глыбы готовы были, кажется, сейчасъ обрушиться. И невольно скидывалъ я глаза на эту громаду и понукалъ усталую лошадь.

Наконецъ, доѣхали до рѣки Куджи, гдѣ назначенъ былъ второй ночлегъ. Рѣка и здѣсь вымыла себѣ ложе въ красной глинѣ, но, не дойдя до моря нѣсколькихъ десятковъ сажень, пропала въ галькахъ. Размытые бока ущелья представляютъ оригинальные конусы, которые по нѣскольку вмѣстѣ стоятъ на небольшомъ общемъ фундаментѣ. Около такой семьи располагаются еще и еще. И кажется, будто окруженъ курительными свѣчками громадныхъ размѣровъ, только краснаго, а не чорнаго цвѣта.

Но на этотъ разъ ночлегъ былъ неособенно удаченъ. Не успѣли мы отвѣдать жирной баранины, какъ дождь забарабанилъ по войлоку нашей кибитки, стало холодно, темно... Скоро поднялся вѣтеръ, наше ненадежное жилище гнулось.

Ко всему этому ночью вдругъ грянулъ залпъ изъ ружей, потомъ другой, третій. Неистовые крики прокатились звонкимъ эхомъ по ущелью. Мы съ испугомъ выскочили. Больше всего перетрусилъ храбрый Яковъ, который видѣлъ вездѣ «Китайскую имперію» и ждалъ, что на насъ нападутъ разбойники.

Но дѣло объяснилось очень просто. Оказалось, что здѣсь до такой степени много волковъ, что пастухи, кочующіе со своими стадами, должны безпрестанно стрѣлять и кричать, для огражденія овецъ отъ незваныхъ гостей. Тѣмъ не менѣе, слышать всю ночь стрѣльбу и невообразимый визгъ было очень непріятно, и только одна усталость заставила немного заснѣть передъ разсвѣтомъ.

Задолго до восхода солнца я вышелъ изъ кибитки. У костра сидѣло двое «часовыхъ», поставленныхъ Деркенъ-баемъ на всю ночь. Они тотчасъ же подскочили при видѣ меня. Остальные киргизы спали, закутавшись въ кошмы. Дождь пересталъ. Черныя тучи быстро неслись по небу. Море ревѣло ужасно, какъ будто хотѣло разбросать эти скалы, которыя такъ гордо стоятъ, не сокрушимыя ничѣмъ... Остатокъ луны въ ущербѣ нырялъ въ небѣ... Поодаль дремали лошади...

Холодный вѣтеръ загналъ меня опять къ кибитку; я натянулъ на голову шубу и снова задремалъ подѣ выстрѣлы и крики.

Выѣздъ изъ долины Коджи очень крутъ. Лошадь съ усиліемъ карабкается по почти отвѣсному скату, камни со стукомъ катятся изъ-подъ ея копытъ. И все выше и выше подымаемся мы на гребень. Но вотъ и на вершинѣ. Чудный видъ невольно поражаетъ. Направо море, все покрытое бѣлыми пѣнящимися волнами, реветъ, еще не успокоенное послѣ вчерашней бури. Изъ-за него, далеко-далеко видны горы всѣ въ снѣгу, тучи легли у самой подошвы, вершины очистились и вырѣзались на синемъ небѣ; обрывы, пропасти, скалы—все это затушево еще утреннимъ туманомъ. Сотни бѣлыхъ чаекъ кружатся съ крикомъ надъ прибоемъ.

Налѣво, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ идетъ хребетъ сѣрый, угрюмый, кое-гдѣ краснѣетъ отдѣльная гора, точно не принадлежащая къ этой семьѣ темныхъ великановъ.

Солнце холодными и косыми лучами скользитъ по всей картинѣ. Утренній холодокъ пробираетъ даже привычныхъ киргизовъ.

Пересѣкли мы еще нѣсколько рѣчекъ, нѣсколькихъ глубокихъ овраговъ; спугнули трусливаго зайца, за которымъ помчался одинъ изъ джигитовъ, повернули въ долину, всю заросшую высокимъ пожелтѣвшимъ цѣмъ.

Прощай, море!.. мы углубляемся въ лабиринтъ горъ и больше тебя не увидимъ. Въ послѣдній разъ окинулъ я взглядомъ шумящую поверхность этого загадочнаго громаднаго бассейна...

Проводникъ давно уже что-то говоритъ мнѣ и указываетъ нагайкой впередъ. Всмотриваюсь и вижу широкую долину; съ двухъ сторонъ подымаются утесы, по срединѣ вьется р. Токъ, а поперекъ во всю ширину тянется какое-то сооруженіе. Это крѣпость, нѣкогда громадная, а теперь разрушенная временемъ.

Подъѣзжаемъ. Громадная глинобитная стѣна перегораживаетъ путь. Тропинка идетъ черезъ какую-то трещину, среди обломковъ древнихъ сооружений. На извѣстномъ разстояніи торчатъ башни; однѣ угрюмо стоятъ во всемъ своемъ величіи, другія распались, растрескались... Кое-гдѣ замѣтны большія отверстія, вѣроятно, ворота. Тамъ замѣтны меньшія щели, быть можетъ, амбразуры. И тянется такая стѣна ломанною линіей направо и налѣво, пока не уперлась обоими концами въ горы.

По всему видно, что кто-то воздвигалъ такое грозное укрѣпленіе, чтобы запереть входъ въ Токскую долину.

Киргизы говорятъ, что крѣпость принадлежала китайцамъ. Этому, пожалуй, можно повѣрить, такъ какъ вывести такую стѣну могли только строители Великой стѣны, которымъ подобныя сооружения были не чужды.

Мы свернули вдоль укрѣпленій, перебрали Токъ и остановились въ густой зеленой травѣ, гдѣ поставлена для насъ кибитка. Сзади возвышались два хорошо сохранившіеся редута; одинъ изъ нихъ, четырехугольный, господствовалъ надъ равниной, другой, поменьше, почти сравнялся съ землей.

Я попросилъ старшинъ дать мнѣ свѣжую лошадь и сейчасъ же отправился осматривать мѣстность, пока готовили чай и обѣдъ. Взвѣхавъ на редутъ, легко обозрѣть направленіе укрѣпленій. За первой стѣной шелъ второй валъ, когда-то высокій; за нимъ тянутся нѣсколько десятковъ расположенныхъ въ два ряда редутовъ; всѣ они четырехугольной формы и направлены въ сторону моря; позади этихъ сооружений едва замѣтна задняя стѣна, распаханная и засѣянная киргизами.

Глубокіе рвы и ямы видны на каждомъ шагѣ.

Кто строилъ, для какой цѣли, противъ какихъ враговъ? — все это вопросы, которые разъяснятся впоследствии, когда исторія края станетъ болѣе изученной и выйдетъ изъ мрака невѣдѣнія... Одно можно сказать, что крѣпость была первокласною и могла вмѣстить нѣсколько тысячъ войска.

Къ сожалѣнію, я не могъ узнать отъ туземцевъ ничего легендарнаго, никакихъ рассказовъ не существуетъ, никакихъ древнихъ остатковъ пока еще здѣсь не было найдено. А безъ такихъ данныхъ можно ли говорить о чемъ нибудь положительномъ? — даже предположеній строить невозможно.

Пока я развѣзжалъ по укрѣпленіямъ и снималъ видъ, ко мнѣ подскакалъ нашъ Деркенъ-бай и сталъ просить позволить киргизамъ «немножко козла тащить».

— А что это значитъ? — спросилъ я.

— Старшины хотятъ угостить васъ одной игрой, — отвѣчалъ онъ. — Вы только позвольте, сейчасъ увидите. Выѣзжайте вонъ на ту поляну — тамъ мѣсто ровное.

Едва было высказано согласіе, какъ два киргиза поскакали въ ущелье и въ пять минутъ скрылись изъ вида.

Мы отправились на указанное мѣсто.

Тамъ уже гарцовало человѣкъ пятьдесятъ. Даже старшины сняли съ себя личину важности, подтягивали ремни на сѣдлахъ, осматривали стремена.

Вдругъ все засуетилось. Вдали показались два всадника, въ рукахъ у одного бился черный козель. Еще минута, и оба киргиза осадили своихъ взмысленныхъ коней; тотъ, у котораго былъ козель, соскочилъ на землю, выхватилъ изъ-за пояса короткій и острый ножъ и, не смотря на крики животнаго, отрѣзалъ ему голову. Еще кровь тонкими струйками свистала въ разныя стороны, еще судорожно подергивались ноги козла, а ужъ киргизъ схватилъ его за шерсть, взбросилъ на воздухъ, ловко поймалъ и съ крикомъ помчался по полянкѣ. Вся ватага кинулась за нимъ. Козель безпрестанно взлеталъ на воздухъ и переходилъ отъ одного киргиза къ другому. Поймавшій круто поворачивалъ лошадь и мчался въ другую сторону, преслѣдуемый всей кавалькадой. Часто два сильныхъ и болѣе ловкихъ всадника схватывали животное въ одно время, каждый тащилъ въ свою сторону, визжалъ во всю глотку, понукалъ лошадь; кости и мускулы трещали, шерсть летѣла клочьями. Но вотъ атлетъ Шукуръ вырвалъ козла и, держа его высоко надъ головой, съ крикомъ побѣды погналъ свою пѣганку ко мнѣ, промчался какъ вихрь мимо и успѣлъ бросить свою добычу къ ногамъ моего коня. Побѣда осталась за нимъ. Но киргизы еще не утомились, они еще не размяли хорошенько своихъ желѣзныхъ мускуловъ, — откуда ни возьмись Деркенъ-бай, онъ на всемъ карьерѣ подхватилъ съ земли изуродованное тѣло и... опять игра возобновилась.

Каждый разъ, какъ кавалькада съ гикомъ пролетала мимо меня, моя лошадь готова была также ринуться за ней; она начинала бѣситься, дрожала всѣмъ тѣломъ и грызла удила. Надо было держать ухо востро, чтобы поневолѣ не попасть въ этотъ бурный потокъ коней и людей.

Нѣсколько разъ козель падалъ передо мной, и каждый разъ Шукуръ или Деркенъ-бай снова подхватывали его.

Глядя на эту мчавшуюся массу, гдѣ всадники совсѣмъ не управляли лошадьми, гдѣ они все свое вниманіе устремляли на козла, мнѣ приходило въ голову: ну, если лошадь у когонибудь споткнется? — отъ него не останется ни одного живаго мѣста. И, точно въ отвѣтъ на мою мысль, вдругъ вижу: одна лошадь падаетъ, перевертывается нѣсколько разъ, взмахнувши ногами, и остается на мѣстѣ; всадникъ покатился кубаремъ.

— Убить! — закричалъ я, но... всадники промчались дальше, перескакивая черезъ лежачаго; никто не обратилъ на него ни ма-

лѣйшаго вниманія. Съ гикомъ, плотной кучкой, ринулась вся толпа ко мнѣ, козель тяжело грохнулся еще разъ передъ моей лошадыю...

Никакое перо не въ состояннн описать всѣ перипетіи такой бѣшеной скачки, такой дикой игры, гдѣ всадникъ и конь одинаково щеголяютъ силой, ловкостью и быстротой... Все это надо видѣть, надо самому быть свидѣтелемъ...

Раскраснѣвшіяся потныя лица, изорванные халаты, голыя головы, съ которыхъ полетали шапки и тебетейки, усиленно дышащія груди — вотъ что представлялось глазу наблюдателя. Только блескъ глазъ участниковъ показывалъ готовность ихъ хоть еще пуститься снова въ скачку... Взмыленные кони разгорячились, ихъ съ трудомъ сдерживала сильная рука киргиза; они плясали на мѣстѣ, грызли удила, взмахивали потными мордами и жадно втягивали воздухъ широко раскрытыми ноздрями.

Изъ-за пригорка подѣхалъ и упавшій всадникъ; онъ такъ же ловко сидѣлъ на изломанномъ сѣдлѣ, какъ и прежде; только на рукѣ выступало кровавое пятно... Лошадь тоже какимъ-то чудомъ осталась цѣла.

Поднялся хохотъ, насмѣшки... Шукуръ изощрялся въ острогахъ и дѣлалъ всевозможныя гримасы, на потѣху товарищей.

Я далъ участникамъ пять рублей, и оказалось, что всѣ остались довольны, въ особенности, когда прибавлена была къ этому порція водки.

Между тѣмъ тучи спускались все ниже и ниже; онѣ ползли на насъ изъ ущелья точно чудовища, клубясь и расправляя длинные туманные члены... Вѣтеръ крѣпчалъ... Брызнулъ дождь, а затѣмъ посыпался довольно крупный градъ... Черезъ пять минутъ вершины горъ, неособенно высокыхъ и окружающихъ нашу кибитку, покрылись бѣлой пеленой.

Надо было поспѣшить въ походное жилище, гдѣ уже стоялъ чайникъ, лежали поджаренные кусочки баранины, нанизанные на длинныя и тонкія палочки (пишкевекъ). Я пригласилъ старшинъ, угостилъ ихъ сигарами... Десятки глазъ смотрѣли сквозь щели кибитки, у дверей образовалась толпа любопытныхъ.

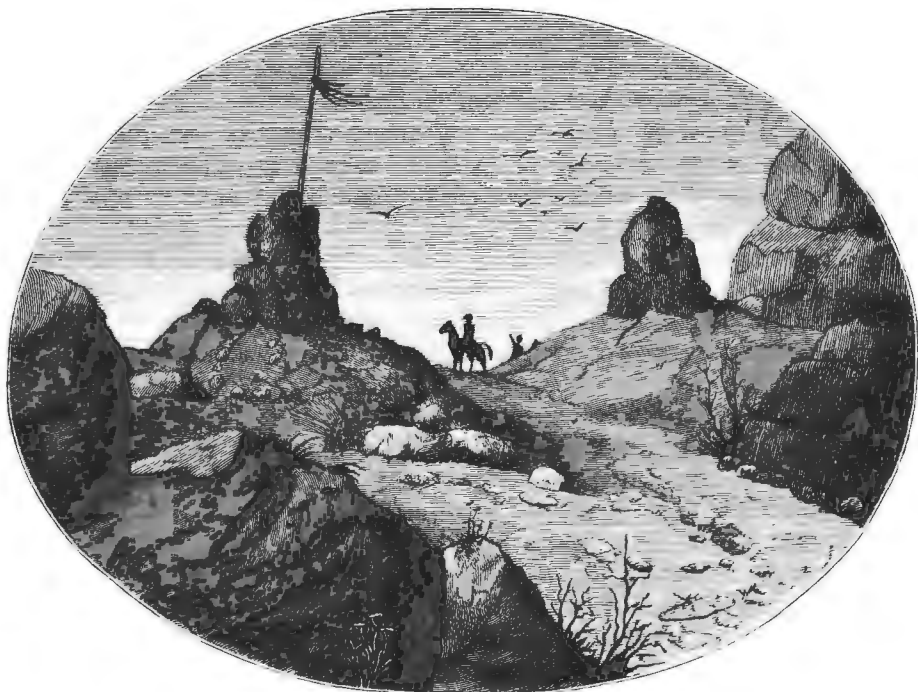
Конечно, бесѣда вертѣлась около «козла»... Деркенъ-бай истомился, переводя рассказы киргизовъ...

Подали свѣчи. Вечеръ, холодный и ненастный, нисколько не помѣшалъ нашей вечеринкѣ.

Отъ «крѣпости» я пошелъ долиной Аксаия переправился черезъ р. Алабашъ и сталъ подниматься на перевалъ Алабашъ-бель. Ущелье суживалось все больше и больше, пока ширина его не достигла сажень пяти (приблизительно). Камни, скатившіеся съ горъ, затрудняли путь, но, не смотря на это, мы благополучно достигли выс-

шей точки перевала, гдѣ по обѣимъ сторонамъ тропинки стояли двѣ пирамидальныя кучи искусственно насыпанныхъ камней; на лѣвой водруженъ былъ длинный шестъ съ клочкомъ лошадиного хвоста.

Спустившись снова въ долину, я не могъ вдоволь налюбоваться красивыми снѣжными вершинами хребта Улаховъ; справа и прямо передъ нами громоздились крупныя скалы урочища Кульджи. Здѣсь на каждомъ шагу попадались древнія могилы, состоящія изъ небольшой насыпи, на которой были расположены камни въ видѣ

Переваль Алабашъ-бель (высшая точка).

круга; въ центрѣ подымались одинъ или нѣсколько болѣе крупныхъ гранитныхъ обломковъ. Болѣе новыя могилы часто встрѣчались разрытыми, и проводникъ рассказывалъ мнѣ, что все это проказы горныхъ медвѣдей, которые большіе охотники до мертваго человѣческаго тѣла.

Къ сожалѣнію, за все время моего путешествія я не могъ наткнуться на этихъ хищниковъ и не могъ достать отъ киргизовъ ни одного мѣха.

Наконецъ, черезъ переваль Семисъ-Бель, мы вышли къ бурному Джуванъ-Арыку. Стѣсненный отвѣсными скалами вышиною въ нѣ-

сколько десятковъ сажень, онъ съ ревомъ мчится по значительному уклону; камни, которые въ большомъ количествѣ попадали въ потокъ, образуютъ величественные пороги; черезъ нихъ низвергаются водопады, бѣлая пѣна клокочетъ и разсыпается въ едва видимую пыль, сверкающую всѣми цвѣтами радуги, когда лучъ солнца скользнетъ на нихъ изъ-за тучъ. Поверхность камней, засоряющихъ русло, отшлифована такъ хорошо водою, какъ будто здѣсь трудился человѣкъ, вооруженный какимъ нибудь оружіемъ.

Дорожка бѣжитъ у самой рѣки, подъ нависшими глыбами гранита, подъ неумолчный ревъ бущующихъ волнъ. Ущелье иногда до такой степени суживается, что надъ головой ѣдущихъ едва виднѣется узкая полоска голубаго неба. Въ такихъ мѣстахъ становится жутко, брызги обдають холоднымъ туманомъ и лошадь, и всадника. Надъ головой висятъ зеленыя плети ползучихъ растений, въ трещинахъ пріютился мохъ... Эхо вторить на разные лады грохоту водопадовъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ выѣзжаешь изъ такихъ тущобъ навстрѣчу яркому солнцу туда, гдѣ ущелье хоть нѣсколько расширяется.

Такіе виды, какіе встрѣчаются на каждомъ шагу, слѣдуя по берегу Джуванъ-Арыка, могутъ за поясъ заткнуть любой ландшафтъ горныхъ странъ Европы, и будь только болѣе удобный путь въ этихъ мѣстахъ, ихъ посѣщали бы навѣрно и художники, и туристы. Но... нескоро наступитъ то время, когда живописныя ущелья Тянь-Шаня попадутъ въ портфейль нашихъ пейзажистовъ.

Проѣхавши верстъ 15 вдоль рѣки, мы должны были переправиться черезъ нее вбродъ и пустились по Тюлюку, одному изъ притоковъ Джуванъ-Арыка. Прорывая каменные громады, Тюлюкъ впадаетъ подъ прямымъ угломъ и только верстъ на десять течетъ между скаль; затѣмъ горы понижаются, рѣка тихо катитъ свои воды по глинистому грунту и подрываетъ лѣвый берегъ, который все болѣе обваливается. Часто приходилось ѣхать по высокому гребню какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ глубокая щель зіяла съ правой стороны, и казалось, что вотъ-вотъ грохнетъ вся эта масса вмѣстѣ съ моимъ караваномъ въ Тюлюкъ, зловѣще сверкавшій глубоко внизу. Много разъ проводникъ долженъ былъ останавливаться, такъ какъ недавній обвалъ уничтожилъ тропинку — она исчезла вмѣстѣ съ огромнымъ кускомъ берега; впереди виднѣлась отвѣсная стѣна, и надо было подыматься еще выше, предоставляя лошадямъ выбирать новую дорогу, какъ имъ заблагоразсудится.

Налѣво, по ту сторону Тюлюка, раскидывался плоскій берегъ, покрытый выжженной солнцемъ травой, а немного дальше опять громоздились горы, опять виднѣлись снѣговыя пятна. Низкое темное облако полосой пересѣкало дальнія вершины. Надъ головой блестялъ раскаленный шаръ солнца... Ничего живаго не было видно, только мы одни копошились между камнями.

Недолго, однако, дорога шла по сравнительно широкой долинь, скоро горы какъ будто сами подбѣжали къ намъ и охватили со всѣхъ сторонъ. Тропинка начала подыматься, почва стала болотиста, ноги лошадей вязли, чуть не по колѣна. Пересѣкая нѣсколько разъ Тюлюкъ, мы свернули влѣво. Человѣкъ десять старшинъ встрѣтили насъ по обыкновенію, сдѣлали «большой култукъ»¹⁾ и повели къ ночлегу. Взобравшись довольно высоко, гдѣ не было ни одного кустика, ни одного деревца, и обогнувъ огромный камень, весь обросшій разноцвѣтными лишайниками, мы увидали свою кибитку. Человѣкъ сто киргизовъ верхомъ и пѣшкомъ суетились около костра. Въ нѣсколькихъ шагахъ журчалъ ручей.

Высота мѣстности дала о себѣ знать, и пришлось надѣть шубы. Изъ открытой двери кибитки виднѣлись только голыя вершины, небо, охваченное румянцемъ заходящаго солнца, да полоса бѣлаго снѣга.

Старшина, сидѣвшій со мною, указалъ на прихотливыя очертанія хребта, который подымался прямо передъ нами.

— Вонъ тамъ—сказалъ онъ:—лежитъ озеро Сонъ-Куль; завтра рано будете на его берегу.

Мы всѣ встрепенулись. Такъ вотъ гдѣ находится конечная цѣль нашего путешествія! какъ близко! (мы еще не знали, чего стоитъ пройти это недлинное разстояніе).

Ободренные и успокоенные мои спутники весело принялись за чай, баранину и кумысь.

Рано утромъ мы были уже на лошадахъ и подымались по крутому откосу. Переваль (Кумъ-бель) хотя не длиненъ, но чрезвычайно утомителенъ. Лошадямъ приходится карабкаться по такимъ камнямъ, что недоумѣваешь ловкости животнаго. Иногда лошади надо ставить всѣ четыре ноги на одинъ небольшой осколокъ, чтобы перепрыгнуть на другой черезъ глубокую трещину; иногда она карабкается чуть не на отвѣсную стѣну, и ожидаешь, что вотъ-вотъ опрокинется.

Холодный вѣтеръ свиститъ въ ушахъ, распахиваетъ шубу, выжимаетъ на глазахъ слезы... По бокамъ едва замѣтной тропинки идетъ снѣговое поле; снѣгъ грязный, рыхлый; множество тонкихъ водяныхъ струекъ журчитъ изъ-подъ ледяной коры, прикрытой обвалившейся землею. Острые камни, пирамидальныя глыбы темнаго гранита, рѣзко вырѣзываются на чистомъ голубомъ небѣ.

Не смотря на то, что со стоянки мы выступили съ восходомъ солнца, на вершину перевала едва удалось попасть только въ полдень. Лошади измучились, мы также... Еще нѣсколько шаговъ, и я

¹⁾ Т. е. отдали большой поклонъ.

на самомъ гребнѣ хребта, и все озеро Сонъ-Куль развернулось, какъ въ панорамѣ. По ту сторону его синѣетъ въ туманѣ низкій снѣговой хребетъ, направо и налево уходятъ горы все дальше и дальше, берега низменны и болотисты. Тамъ вдали у самой воды разбросано нѣсколько десятковъ кибитокъ, бродятъ стада, столбомъ стоитъ черный дымокъ отъ костра. Ближе, у подошвы перевала, чернѣютъ всадники,—это старшины, выѣхавшіе навстрѣчу.

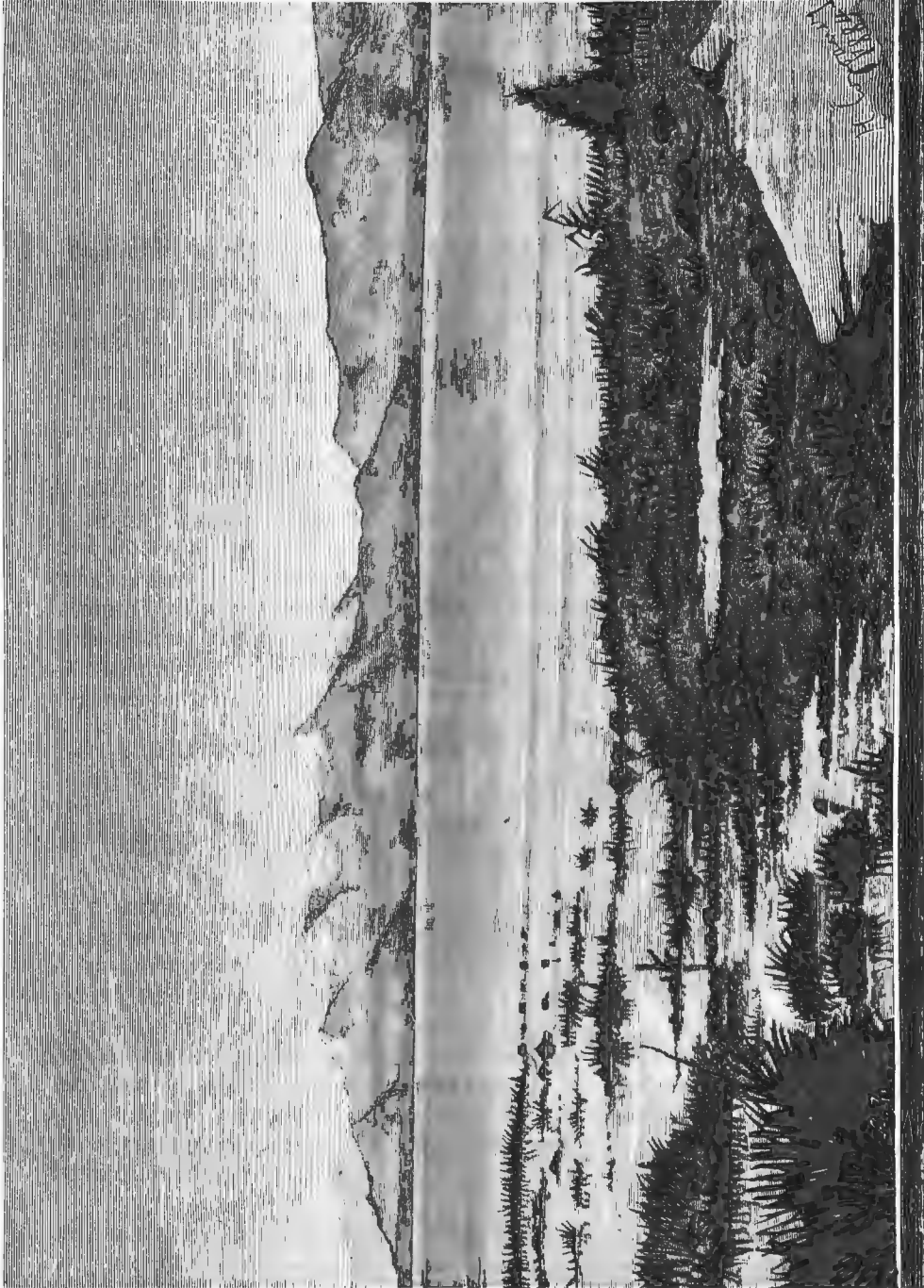
Озеро Сонъ-Куль лежитъ еще выше Иссыкъ-Куля, а именно на 9,400 футахъ надъ уровнемъ океана. Хотя въ длину этотъ бассейнъ (по описаніямъ путешественниковъ, которымъ удавалось побывать здѣсь) имѣетъ 26, а въ ширину 16 верстъ, тѣмъ не менѣе, я думаю, что озеро гораздо меньше, почти вдвое. Даже очертаніе его на картахъ представлено совершенно невѣрно. Сѣверо-восточные берега сплошь состоятъ изъ болотъ (сазовъ), черезъ которые пробраться невозможно, что указываетъ на усыханіе Сонъ-Куля.

Довольно многочисленныя, но небольшіе притоки пересыхаютъ лѣтомъ и наполняются водою только весной и осенью. Хотя у Каульбарса и Костенко говорится о мелкой рыбѣ, будто бы водящейся въ озерѣ, но это совершенно несправедливо, такъ какъ всѣ киргизы единогласно заявили о ея отсутствіи въ здѣшнихъ мѣстахъ. Мало того. Одинъ уважаемый и почтенный акъ-сакалъ вздумалъ нарочно изъ Нарына привезти нѣсколько пудовъ рыбы и пустить ее въ Сонъ-Куль; и что же?—по рассказамъ туземцевъ, вся рыба черезъ полчаса ослѣпла (sic!) и умерла. Все это могло произойти въ силу крайне поднятаго положенія озера, хотя не думаю, чтобы рыба дѣйствительно ослѣпла.

Въ окрестностяхъ, какъ мнѣ передавали, встрѣчаются медвѣди, волки, забѣгаетъ кровожадный барсъ, а туда дальше, на югъ водятся дикобразы.

Плоскіе берега служатъ убѣжищемъ краснымъ уткамъ, или отайкамъ, и другой птицѣ. За то флора въ высшей степени интересна и носитъ характеръ альпійскій. Деревьевъ и кустарниковъ—напрасно искать въ этихъ мѣстахъ, камыша—также; но мелкія растенія весьма характерны. Особенно бросается въ глаза маленькая голубая *Gentiana*, чрезвычайно чувствительная: стоитъ только коснуться пальцемъ до ея нѣжнаго вѣнчика, и онъ тотчасъ же свернется, закрутившись въ видѣ спирали, вокругъ своей длинной оси; осторожно подрѣзанный цвѣтокъ тоже сворачивается, но медленнѣе; весь процессъ закрыванія совершается въ двѣ минуты (приблизительно).

Такая чувствительность особенно интересна въ томъ отношеніи, что большинство растеній, обладающихъ этой способностью, растутъ, какъ извѣстно, въ разныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, мимоза

Видъ озера Сонъ-Куля (на высотѣ 9,400 ф.).

стыдливая, мухоловка и проч. Если и встрѣчаются у насъ и такіе чувствительные представители флоры, то во всякомъ случаѣ движеніе ихъ листьевъ происходитъ гораздо медленнѣе. Здѣсь же на Сонъ-Кулѣ средняя температура года низкая, и въ бытность нашу по ночамъ вода замерзала въ чайникахъ. Надо вообще замѣтить, что климатъ мѣтности крайне суровъ: въ сентябрѣ озеро покрывается уже льдомъ, а въ началѣ октября все заваливается снѣгомъ и представляется вымершимъ до начала мая или конца апрѣля.

Наконецъ, чтобы кончить бѣглый очеркъ интереснаго Тянь-шанскаго края, я позволю себѣ упомянуть еще объ ала-куртѣ, или «пестромъ червякѣ», который сталъ извѣстенъ весьма недавно и до сихъ поръ не описанъ учеными¹⁾.

Ала-куртъ есть не что иное какъ вредная блоха и ничего общаго съ червяками не имѣетъ. Она является исключительно зимою въ нагорныхъ долинахъ хребта Тянь-Шаня и въ горахъ Байсауръ (верховья Чилика), на зимовкахъ киргизовъ-атбановъ.

Киргизы рассказываютъ объ этомъ паразитѣ слѣдующее.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда въ горныхъ долинахъ уже лежитъ снѣгъ, въ туманные морозные дни, ала-куртъ въ видѣ маленькаго чернаго животного, похожаго на блоху и прыгающаго такъ же, какъ блоха, «падаетъ съ неба» вмѣстѣ съ изморозью. Если послѣ изморози устанавливаются сильные морозы, то ала-куртъ быстро размножается и съ земли переходитъ на лошадей, барановъ, верблюдовъ и рогатый скотъ.

Поселившись на тѣлѣ животного, ала-куртъ постепенно увеличивается въ объемѣ, причемъ черный цвѣтъ его переходитъ въ бѣлый²⁾. На скотѣ онъ сидитъ такъ же крѣпко, какъ и лѣсной клещъ, и требуется нѣкоторое усиліе, чтобы отдѣлить его.

У лошади ала-куртъ поражаетъ крупъ и ляшки заднихъ ногъ, а въ тѣ зимы, когда его очень много, и обѣ стороны шеи; у барановъ онъ поражаетъ курдюкъ, грудь и шею; у верблюдовъ прикрѣпляется къ тѣлу подъ лопатками, на шеѣ, бокахъ, крупѣ и ляшкахъ; у коровъ поражаетъ мясистыя части и въ особенности шею.

Вредъ, наносимый ала-куртомъ, очень великъ; поселившись на самой тучной, здоровой лошади, онъ въ два мѣсяца, при самомъ лучшемъ кормѣ, чрезвычайно истощаетъ животное, жеребята же

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно, первые экземпляры ала-курта доставлены въ ташкентскій музей Н. Н. Пантусовымъ (изъ Вѣрнаго). Экземпляры, имѣющіеся у меня, пожертвованы Н. А. Маевымъ. Описаніе заимствую изъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», 1884 г., 17 апрѣля, № 15.

²⁾ Сколько мнѣ приходилось разсматривать ала-куртъ, измѣненіе цвѣта замѣчается только у самокъ; тѣло ихъ до такой степени набивается яйцами, что сегменты брюшка расходятся. Отъ этого блоха представляется удлиненною. Бѣлаго цвѣта, съ поперечными темными (узкими) полосками.

почти всегда издыхаютъ. На бѣлыхъ лошадяхъ, пораженныхъ паразитомъ, отчетливо виднѣются кровавыя полосы. По стаянїи снѣга, ала-куртъ исчезаетъ и въ рѣдкихъ случаяхъ продолжаетъ жить до того времени, когда лошадь начнетъ линять.

Травы Тянь-Шаня чрезвычайно питательны и не могутъ быть сравниваемы съ травами другихъ мѣстностей, почему скотъ, не смотря на обиліе ала-курта, переживаетъ зиму; но бываютъ зимы на столько обильныя упомянутымъ паразитомъ, что множество скота не доживаетъ до весны и гибнетъ сотнями.

Въ самыя благопрїятныя, теплыя зимы ала-куртъ хотя и по-является, но въ незначительномъ количествѣ.

Такимъ образомъ эта вредная блоха отличается отъ другихъ паразитовъ, исключительно появляющихся на исхудаломъ и страдавшемъ кожными болѣзнями скотѣ, тѣмъ, что поражаетъ совершенно здоровый и сытый скотъ.

Кибитка наша стояла на лѣвомъ берегу рѣчки Ташъ-когу, впадающей въ Сонъ-Куль съ сѣверной стороны.

Названіе «рѣки» здѣсь, по правдѣ сказать, въ высшей степени громко, такъ какъ киргизъ Шукуръ, на потѣху всѣхъ, перескочилъ ее однимъ махомъ.

Озеро отстояло отсюда въ полуверстѣ; насъ отдѣляло отъ него обширное болото.

Старшина, встрѣтившій мой караванъ, пригласилъ меня и спутниковъ въ свой аулъ, который раскинулся нѣсколько дальше (на западъ) верстахъ въ трехъ. Тамъ должна была устроиться «байга», или увеселенія, по случаю годовщины смерти его брата.

Само собою разумѣется, что я съ удовольствіемъ согласился посмотреть на забавы горныхъ кочевниковъ и, не отдохнувши порядкомъ, опять сѣлъ на лошадь.

Уже издали видны были всадники, скачущіе во всѣхъ направленіяхъ. Человѣкъ около тысячи, если не больше, толпились близъ нѣсколькихъ кибитокъ. Осѣдланная лошадь стояли большими группами.

Нѣсколько десятковъ киргизовъ выѣхали къ намъ навстрѣчу и предложили почетный кусокъ вареной конины, расположенный на деревянномъ блюдѣ. Мясо оказалось тепловатымъ, безъ соли, жесткимъ и невкуснымъ.

Пока мы показывали видъ, что жуемъ съ удовольствіемъ предложенное, сидя на лошадяхъ, импровизаторъ-музыкантъ наигрывалъ нескончаемую и однообразную мелодію на инструментъ, похожемъ на скрипку; при этомъ онъ очень ловко упиралъ конецъ его въ переднюю луку своего сѣдла и, низко нагнувъ голову, покачивался въ тактъ всѣмъ тѣломъ. Игра сопровождалась пѣніемъ; фистула была сильная, unisono съ высокими нотами инструмента.

Наконецъ, проглотили мясо и двинулись ближе къ аулу. Голодные, поджарыя собаки, разныхъ цвѣтовъ и величинъ, подняли свирѣпый лай, маленькія дѣти безъ всякаго костюма шныряли между всадниками, съ изумленіемъ смотря на насъ черными большими глазами.

Около одной кибитки стоятъ привязанными нѣсколько лошадей, покрытыхъ богатыми расшитыми золотомъ и серебромъ попонами, краснаго, сиваго и зеленаго цвѣтовъ.

Поверхъ попонъ привѣшаны оружіе и одежды самыя щегольскія. Все это принадлежало покойнику, все это пользовалось его особымъ расположеніемъ.

Недалеко помѣщалась кибитка, вокругъ которой шумить большая толпа народа, все больше женщины въ праздничныхъ нарядахъ: въ бѣлыхъ тюрбанахъ на головѣ, пестрыхъ халатахъ, съ косами, разукрашенными монетами и ключами отъ своихъ сундуковъ. Изъ середины кибитки раздавались крикливыя причитанія и хорое пѣніе похоронное, тоскливое и однообразное. Я попросилъ позволеніе заглянуть туда, на что старшина согласился съ готовностью и пошелъ впередъ, расталкивая народъ. Мы вошли. Правая сторона отгорожена синимъ занавѣсомъ,—это мѣсто, гдѣ скончался усопшій; тамъ теперь сидѣла вдова, покрытая съ головою чернымъ покрываломъ. Она выкрикивала фразы, покачиваясь всѣмъ тѣломъ изъ стороны въ сторону, и горько плакала. Ей отвѣчалъ хоръ женщинъ, сидящій по сю сторону занавѣса.

Когда мы вошли, одна изъ киргизокъ, высокая, полная и красивая, встала и протянула руку. Вся грудь ея была украшена въ нѣсколько рядовъ золотыми и серебряными монетами, халатъ также коробился отъ золотой вышивки. Лицо нисколько не напоминало восточный типъ и скорѣе походило на лицо нашихъ русскихъ купчихъ, бѣлыхъ и румяныхъ. Это была одна изъ родственницъ умершаго.

У стѣнъ, внутри кибитки, размѣщалось много любопытныхъ, не принимавшихъ, повидимому, никакого участія въ отпѣваніи. Они разговаривали, смѣялись; два мальчика поссорились изъ-за чего-то и, не стѣсняясь, тузили другъ друга по бритымъ головамъ. Воздухъ здѣсь былъ душный, жаркій; пахло какимъ-то ароматическимъ масломъ.

Мы отправились въ кибитку старшины. Человѣкъ двадцать мужчинъ сидѣло кругомъ. Убранство жилища было праздничное. Крашеные сундуки сдвинуты въ одно мѣсто, подушки разложены на коврахъ, чтобы было удобно облокотиться.

Любезный хозяинъ отдалъ приказаніе, и началось угощеніе. Прежде всего оборванный киргизъ поднесъ чашку и сосудъ съ водой, чтобы обмыть руки и губы. Въмѣсто полотенца употреблялся конецъ широкаго полотнянаго пояса. Затѣмъ, когда всѣ оказались

омытыми по закону и обычаю кочевниковъ, внесли нѣсколько громадныхъ деревянныхъ чашекъ съ пловомъ, т. е. варенымъ рисомъ съ кусочками баранины. Все это поставили посрединѣ, на разостланномъ кускѣ синяго московскаго коленкора.

Но въ то время, какъ киргизы съ жадностью запустили свои пальцы въ горячую кашу, выжавъ изъ нея воду (которая, кстати сказать, потекла грязными ручьями въ ихъ рукава и обратно въ чашу), наше положеніе было весьма критическое, такъ какъ ложка съ нами не было. Хозяинъ замѣтилъ недоумѣніе, засмѣялся и велѣлъ принести нѣсколько щенокъ, которыя замѣнили намъ необходимое оружіе.

Затѣмъ слѣдовала вареная баранина, потомъ жареная, потомъ подали опять пловъ и т. д., до тѣхъ поръ, пока со всѣхъ сторонъ не раздалась звуки громкой отрыжки. Услышать это составляетъ удовольствіе и гордость хозяина; это есть лучшее доказательство того, что гости сыты.

Принесли чай, крѣпкій, горячій, но... безъ сахара.

Наконецъ, всѣ были окончательно сыты, обмыты опять руки и губы, и стали выходить изъ кибитки.

Хозяинъ пригласилъ и насъ выйти посмотрѣть на байгу. Сѣли на лошадей и поѣхали, еле протискиваясь между всадниками.

На большой полянѣ, которая уходила вдаль по берегу озера верстъ на десять, какъ муравьи сновали киргизы. Они махали руками, кричали, гнали лошадей, какъ будто готовясь къ чему-то необыкновенному.

Въ сторонкѣ, на холмѣ, водруженъ длинный шестъ, на верхушкѣ котораго трепещется флюгеръ, сдѣланный изъ синяго и бѣлаго коленкора. Сюда должны направлять своихъ бѣгуновъ скачущіе на призъ. Здѣсь же привязаны: нѣсколько штукъ барановъ, лошадей, жеребятъ, одна корова и высокій верблюды; они составляютъ награду лучшему скакуну.

Осмотрѣвъ призы, снова направились на ровное поле, гдѣ большимъ кругомъ стояли верховые. Два всадника помѣстились въ центрѣ; одинъ — представитель одного аула, другой — другаго. Состязаніе должно было происходить между киргизами двухъ урочищъ. Первый всадникъ громко, въ длинныхъ стихахъ, воспѣвалъ быстроту коней, силу мужчинъ и красоту женщинъ своей мѣстности, и едва оканчивалъ, какъ другой опровергалъ его и восхвалялъ достоинства своего аула. Не были забыты даже и мы, потому что глашатай, желая во что бы то ни стало доказать, что его соплеменники фениксы своего рода, добавилъ, что вотъ, дескать, даже русскій «дженаралъ» въ Россіи услышалъ о ихъ доблестяхъ и пріѣхалъ за сотни тысячъ верстъ полюбоваться на байгу. Громкіе крики одобренія слышались въ отвѣтъ на эту находчивость.

Тѣмъ временемъ, пересѣкая кругъ всадниковъ, проѣхала процессія лицъ, желающихъ состязаться. Все это были дѣти не болѣе десяти лѣтъ. Ихъ головы обвязаны плотно кусками матерій, костюмъ самый легкій, чтобы ничто не стѣсняло движеній. У лошадей (очень молодыхъ, не сформировавшихся жеребятъ) хвостъ туго закрученъ жгутомъ, чолка у основанія подвязана тесьмой, такъ что торчитъ между ушами на подобіе султана (чтобы волоса не попадали въ глаза животному), сѣдло очень маленькое и легкое. Въ числѣ участниковъ была и дѣвочка лѣтъ восьми; она бойко поглядывала на всѣхъ, помахая нагайкой.

Медленнымъ шагомъ прошла процессія нѣсколько разъ, чтобы всѣ могли видѣть и всадниковъ, и коней. Наконецъ, глашатаи замолчали, старшина велѣлъ начинать. Небольшимъ галопомъ пустились желающіе въ противоположную отъ флага сторону, къ берегу Сонъ-Куля. Тамъ они должны были повернуть и уже оттуда мчаться въ каррьеръ до мѣста, гдѣ стояли призы. Такимъ образомъ скачка происходила на разстояніи версты двадцати (считая взадъ и впередъ).

Вся толпа кинулась по тому же направленію, и только гулъ да стоппъ пыли указывали направленіе этой движущейся живой массы.

Мы съ старшиной остались одни.

Мѣсто было ровное, и слѣдить за ходомъ скачки можно было отлично, въ особенности съ помощью бинокля.

Вдругъ, по знаку распорядителя-киргиза, съ длинной палкой въ рукѣ, вся ватага бросилась назадъ. Крики, шумъ, пыль..... Нѣсколько лошадей сразу выдѣлились и поскакали впереди, не отставая другъ отъ друга. Но вотъ сѣрый конекъ забираетъ все сильнѣе и сильнѣе, обогнавъ одного, другаго, третьяго и поднявъ вверхъ острую мордочку, понесся впереди всѣхъ. Маленькій всадникъ награждаетъ его ударами нагайки. Киргизы визжатъ и ревутъ.

Тѣ, у которыхъ лошади побойчѣе, подскакиваютъ къ побѣдителя, схватываютъ подъ уздцы его лошадь и мчатся нѣсколько вмѣстѣ, помогая такимъ образомъ сѣрому скакуну податься еще впередъ; затѣмъ, помогавшій всадникъ отскакиваетъ въ сторону, его мѣсто занимаетъ другой, мимо котораго несется сѣрый и опять тащитъ впередъ, и т. д. Это называется кутерьмитъ скакуна и допускается по правиламъ скачки.

Такимъ образомъ, каждый изъ участниковъ имѣлъ своихъ помощниковъ, разставленныхъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы имѣть свѣжихъ лошадей для кутерьмы.

Долго спорили сѣрый и гнѣдой, пока, всетаки, сѣрый не взялъ перваго приза. Остальные кони отстали, одинъ изъ скакавшихъ мальчишекъ свалился гдѣ-то далеко. Описать тотъ шумъ, крикъ, визгъ и толкотню, которые поднялись, когда первый всадникъ подскакалъ къ флагу,—нѣтъ возможности. Тяжело дыша, весь въ мылѣ, покрываемый цѣлымъ градомъ ударовъ, примчался сѣрый конекъ;

мальчикъ, сидѣвшій на немъ, еле держался въ сѣдлѣ, глаза его были красны какъ кровь, потъ струился по запыленному лицу. Коня, однако, не остановили сейчасъ же, а долго водили шагомъ по полю, пока онъ нѣсколько не остылъ.

Начался дѣлежъ призовъ. Кто тащилъ барана, кто лошадь, кто верблюда. Не обошлось и безъ драки, но на это старшины смотрѣли сквозь пальцы, говоря: «сами подерутся, сами и помирятся».

Древнія могилы въ долинѣ рѣки Асу.

Но не прошло и получаса, какъ опять всѣ стали въ кругъ, и опять глашатаи начали выкрикивать, должно быть, что-то очень ужъ смѣшное, потому что толпа много хохотала.

Наконецъ, вышелъ киргизъ въ самомъ легкомъ костюмѣ, вызывая на борьбу когонибудь. Бронзовое тѣло его могло бы служить прекрасной моделью для Геркулеса.

Нашолся и противникъ.

Оба стали другъ противъ друга, разминая мускулистыя руки.

Толпа замерла. Медленно, какъ кошка, подползающая къ добычѣ, двинулся одинъ изъ борцовъ, согнувшись, шагая тихо и едва слышно. Онъ обошелъ кругомъ своего противника, который не спускалъ съ него глазъ и готовъ былъ предупредить внезапное напа-

деніе. Круги становились все меньше, наконецъ руки сдѣпились, головы уперлись лбами. Оба силача стояли нѣсколько секундъ, стараясь покачнуть другъ друга, но напрасно. Одинъ сдѣлалъ усиліе—руки соскользнули, другой схватилъ за плечи — потное тѣло увернулось. Противники, тяжело дыша, опять разошлись, и опять началось подползаніе (иначе я не могу назвать эти движенія).

Еще разъ стукнулись лбы, еще разъ напряглись мускулы, пошли въ ходъ и ноги, которыми борцы хотѣли свалить другъ друга, но—опять напрасно. Одинъ изъ нихъ вцѣпился въ руки своего противника даже ногтями, но тѣло какъ желѣзо не поддавалось. Вдругъ, совершенно неожиданно, одинъ приподнял другаго на воздухъ... крикъ торжества вырвался изъ груди зрителей, но... приподнятый моментально извернулся, схватилъ за голову противника и грохнулъ его о землю. Поднялся хохотъ. Побѣдителя окутали въ тулупъ и увели.

Байга кончилась. Я поблагодарилъ старшинъ и отправился въ свою кибитку.

Такія увеселенія совершаются при всякомъ удобномъ случаѣ; они составляютъ единственное развлеченіе киргизовъ.

Иногда призы на скачкахъ довольно цѣнны. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году 25-го августа, по рассказамъ И. А. Колпаковского, состоялось байга, на которой соперничали Каракольскіе и Джаркентскіе киргизы. Первый призъ, взятый извѣстнымъ скакуномъ «Тай-кашка», состоялъ изъ 1,000 руб. серебромъ деньгами, 200 лошадей, 9 верблюдовъ и 9 выдръ. Скачка—на 50 верстъ.

Понятно, что такіе скакуны, какъ Тай-кашка, цѣнятся очень дорого, они составляютъ не только гордость, но и источникъ богатства своего хозяина. Ихъ держать въ кибиткѣ, вмѣстѣ съ членами семейства, ихъ берегутъ какъ зѣницу ока.

Гдѣ только появляется Тай-кашка,—тамъ ужъ она навѣрно возьметъ первый призъ; поэтому владѣтель такой лошади боится, чтобы изъ зависти ее не украли или, еще хуже, не испортили: онъ всю жизнь, такъ сказать, посвящаетъ на служеніе благородному животному. Подобные скакуны имѣютъ свою исторію, свои легенды.

На сколько дорого цѣнятъ хорошихъ лошадей, можно судить изъ того, что, по рассказамъ туземцевъ, Тай-кашка куплена за 1,000 р., когда она еще была жеребенкомъ и выведена изъ Кульджи.

Экскурсируя по берегамъ Сонъ-Куля, я имѣлъ случай сдѣлать также интересную находку. На поверхности земли, между корнями засохшей травы, разбросаны въ громадномъ количествѣ сѣроватаго цвѣта шарики, величиною отъ горошины и до орѣха. Поверхность ихъ морщиниста; они ломки и сильно разбухаютъ въ горячей водѣ.

Это не что иное какъ лишайникъ—*Lichen esculentus* (*Chlorangium esculentum*), который растетъ и въ южной Россіи, напримѣръ,

на Дону, можетъ быть употребляемъ въ пищу и называется порусски «земляной хлѣбъ».

Киргизы не знаютъ, что они топчаты ногами суррогатъ весьма вкусный, который могъ бы имъ пригодиться.

Интересенъ главнымъ образомъ фактъ нахождения землянаго хлѣба на такихъ различныхъ высотахъ, каковы уровень Дона и Сонъ-Куля.

Было холодное сѣренькое утро, когда мы двинулись дальше по сѣверному берегу озера.

Густыя низкія облака быстро неслись по небу. Вдали на горизонтѣ шолъ дождь. Солнце выглядывало изъ-за тучъ въ видѣ большаго шара безъ лучей и тепла.

Бойко шли наши лошади, шлепая по болоту. Иногда ноги ихъ вязли выше колѣна, и тогда проводникъ спѣшилъ измѣнить направленіе. Кутаясь въ шубы, ежились мы въ сѣдлахъ.

По сухой полянѣ, на которую выбрался караванъ, быстро бѣгали большіе черные пауки, гоняясь за насѣкомыми. Мои спутники устроили за ними цѣлую охоту.

По тихой зеркальной поверхности Сонъ-Куля вереницей плавали красныя крупныя утки. Гдѣ-то въ сторонкѣ свистѣли сурки, эти постоянные жители горныхъ мѣстъ.

Къ полудню было пройдено довольно много. Остановились перекусить холодной бараниной.

Вдругъ впереди поднялось облако пыли; ржаніе лошадей, крикъ киргизовъ звучно отдавались въ холодномъ воздухѣ.

Громадный аулъ перекочевывалъ на другое мѣсто, покидая высокія мѣста. Табуны въ тысячи головъ, бараны и цѣлыя сотни разукрашенныхъ верблюдовъ потянулись безконечною цѣпью. Опять пришлось любоваться на красивыхъ наѣздницъ, на своеобразныя украшенія высокихъ сѣделъ. Опять съ удивленіемъ поглядывали мы на навьюченныхъ коровъ.

Все это принадлежало именитому старцу Шаману, который самъ, собственной персоной и съ богатой свитой, выѣхалъ ко мнѣ «побесѣдовать и узнать о здоровьѣ Бѣлаго Царя».

Старикъ небольшого роста, довольно крѣпкій на видѣ. Онъ прифрантился въ синій суконовый халатъ, обшитый позументомъ, и прицѣпилъ даже медаль, полученную за участіе въ коканскомъ походѣ. Богатства его, по рассказамъ, неисчислимы, родъ многочисленъ какъ песокъ морской.

Поговоривши черезъ переводчика, онъ хотѣлъ было проводить меня, но я благодарилъ за любезность и упробилъ ѣхать своею дорогой.

Между киргизами, которые большой кавалькадой тѣснились вокругъ насъ, мое вниманіе обратилъ на себя одинъ молодой парень

совершенно безъ носа; вмѣсто этого необходимаго члена существовало бѣлое гладкое мѣсто (невольно припомнилась исторія Гоголевскаго «Носа»).

Когда мы разстались съ Шаманомъ, парень, всетаки, продолжалъ слѣдовать за мною на своей пѣгой лошаdkѣ.

Проѣхали версть десять, а безносый не отстаетъ.

— Что ему надо?—спросилъ я черезъ переводчика.

Киргизъ, соскочивъ на ходу съ лошади, снялъ шапку, взялся за животъ и отвѣсилъ низкій кулдукъ.

— Съ просьбой,—пояснилъ джигить.

Хотя я и предувѣдомилъ, что по заявленію просителя врядъ ли могу что нибудь сдѣлать, тѣмъ не менѣе пришлось выслушать слѣдующее.

Два года тому назадъ, братъ безносаго проѣзжалъ одинъ мимо враждебнаго аула. Киргизы напали на него, безъ дальнихъ церемоній убили и закопали. Весною совершенно случайно трупъ былъ найденъ, и злодѣяніе обнаружено. Но... на кого и кому жаловаться?—въ такихъ труппахъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь оказывается справедливая пословица: «до Бога высоко, до Царя далеко».

Такъ дѣло и кончилось. Родные погоревали и устроили байгу.

Къ сожалѣнію, убитый, во время боя на жизнь и смерть, сильно поранилъ одного изъ нападавшихъ; раны становились все болѣе и болѣе страшными и причиняли большія страданія. Тогда-то закипѣла досада у всѣхъ участниковъ преступленія, и они рѣшили отметить кому нибудь изъ родственниковъ убитаго. Долго случай не представлялся, но, наконецъ, злая судьба направила ихъ на роднаго брата погибшаго. Убійцы встрѣтили его гдѣ-то въ глухомъ ущельѣ и, не смотря на сопротивленіе, отрѣзали ему носъ.

Такъ и остался несчастный уродомъ на всю жизнь. Зовутъ его Нуръ-ала.

Успокоивши бѣдняка тѣмъ, что я обѣщалаъ рассказать объ этомъ фактѣ кому вѣдать надлежитъ, мнѣ оставалось только возмущаться и... продолжать путь.

Нуръ-ала повернулъ лошадь и пустился догонять Шамана.

Проѣхавши еще версть пять, проводникъ указалъ на лежащій на берегу священный камень «тулпаръ-ташъ».

Онъ имѣетъ аршинъ длины и 3 четв. ширины (съ одного конца, 2 четв.—съ другаго). На поверхности его замѣтна глубокая впадина, по очертаніямъ напоминающая слѣдъ лошадинаго копыта.

Киргизы говорятъ, что въ глубокой древности въ этихъ мѣстахъ обитали богатыри-гиганты, разбѣзжающіе на громаднхъ коняхъ, и что слѣдъ на тулпаръ-ташѣ есть доказательство справедливости такой легенды.

Тѣмъ не менѣе, камень валяется прямо на берегу; вокругъ него нѣтъ загородокъ, надъ нимъ не возвышается никакого навѣса.

Изъ долины оз. Сонъ-Куля черезъ переваль Шиль-бели мы вышли къ быстрому Джумгалу.

Издали можно подумать, что на берегу его разбросаны цѣлыя деревни, какія-то бѣлыя и сѣрыя зданія съ куполообразными крышами.

Подъѣзжая ближе, скоро убѣждаешься, однако, что это городъ мертвыхъ, что это все мазарки, могильные памятники.

Они построены въ видѣ миниатюрныхъ мечетей, съ фронтономъ, фальшивыми колоннами, минаретами.

Въ срединѣ главной стѣны (фасады) находится низенькая дверь, которая ведетъ въ небольшое помѣщеніе, гдѣ покоятся цѣлыя семьи. Стѣны украшены рисунками, изображающими охоту, путешествіе и различныя сцены изъ семейной жизни и хозяйство. Реальность такихъ сценъ иногда переходитъ границы приличія. Всѣ рисунки, вмѣстѣ взятые, составляютъ, такъ сказать, исторію жизни умершаго кочевника въ иллюстраціяхъ.

Особенно бросается въ глаза на берегахъ Джумгала присутствіе роицъ березы, тальника и большихъ развѣсистыхъ тополей, чего мы уже давно не видали.

Теплый воздухъ пріятно отогрѣвалъ насъ; не вѣрилось, что можно снять шубы.

Останавливались при впаденіи Сусамыра въ Джумгалъ и поэтому, чтобы продолжать путь, необходимо было переправиться черезъ довольно широкій (сравнительно) и быстрый Сусамыръ. Бьюки положили на высокихъ верблюдовъ, а сами пустились вплавъ на лошадяхъ. Вода до такой степени сильна, что надо ѣхать вѣзмъ вмѣстѣ, плотно держась другъ около друга, иначе можетъ снести всадника или перевернуть его вмѣстѣ съ лошадью.

Но и на этотъ разъ намъ посчастливилось, и никто не пострадалъ; только одинъ изъ старшинъ окунулся вмѣстѣ съ конемъ, но былъ подхваченъ товарищами.

Затѣмъ пошли по лѣвому берегу Сусамыра. Тропинка поднялась высоко-высоко надъ ущельемъ, становилась все уже и уже и, наконецъ, превратилась въ карнизъ, ширина котораго въ широкихъ мѣстахъ не превышала двухъ четвертей. Голова кружилась, когда заглядывалъ съ страшной высоты туда внизъ, гдѣ ревѣла рѣка, вся бѣлая, какъ молоко, отъ пѣны.

Слѣва поднимались отвѣсныя скалы, правая нога висѣла надъ пропастью. Лошадь осторожно переступаетъ, ощупывая ногою каждый подозрительный камень.

На бѣду обломки скалъ загораживали часто узкую дорожку, и объѣзжать опасное мѣсто можно было только на нашихъ привычныхъ горныхъ коняхъ, предоставляя имъ полную свободу взбираться вверхъ или спускаться внизъ.

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ неожиданностей, карнизъ очень часто спускался съ заоблачной высоты внизъ къ самой рѣкѣ и, пройдя нѣсколько шаговъ, снова подымался круто вверхъ... Камни скатывались изъ-подъ ногъ лошади и, прыгая съ уступа на уступъ, исчезали въ темномъ ущельѣ. Невольно закрывались глаза или, наоборотъ, съ напряженнымъ любопытствомъ глядѣли впередъ, желая увидѣть: гдѣ же конецъ этимъ пыткамъ? когда же кончится карнизъ?

И такого пути пройдено около 20 верстъ! изъ нихъ ужъ очень сквернаго и опаснаго около 10!

Нельзя описать того восторга, который обуялъ насъ, когда, наконецъ, дѣйствительно карнизы кончились, и мы вѣхали въ цѣлую рощу березы, боярышника и другихъ кустарниковъ и деревьевъ, густо покрывающихъ Сусамыръ; точно нарочно посаженные, они образовали прелестныя аллеи, и по нимъ-то извивалась тропинка.

Кругомъ высались желтоватыя громады хребта, и на одномъ изъ крутыхъ склоновъ мы замѣтили дикую козу съ маленькимъ козленкомъ. Съ недоумѣніемъ посмотрѣла она на насъ и, не спѣша, стала карабкаться на крутизну, прячась за камни.

Взобравшись снова на переваль Ковэкъ-белъ, мы очутились уже въ Наманганскомъ уѣздѣ, и, увы! снова начались непріятности, такъ какъ письмо мое не дошло во время въ Наманганъ и, слѣдовательно, никакихъ распоряженій о нашемъ проѣздѣ сдѣлано не было.

Имѣя, всетаки, бумагу отъ губернатора, я обратился къ именитому Роскульбеку, который, на мое счастье, кочеваль здѣсь недалеко.

Меня проводили въ аулъ. Роскульбекъ высокій, худой и черный киргизъ съ довольно непріятнымъ выраженіемъ лица. Особенно его портятъ большіе синіе очки съ сѣтками, плотно закрывающіе маленькіе подслѣповатые глазки. Онъ принялъ насъ очень радушно въ своей кибиткѣ, угостилъужиномъ, чаемъ и обѣщался самъ проводить до Кетменьтюбе, гдѣ у него имѣется домъ, или, правильнѣе, цѣлое помѣстье.

И дѣйствительно, на другой день выступили вмѣстѣ. Кое-какъ продолжали подвигаться, взбираясь на кручи, спускаясь въ глубокія ущелья, пересѣкая шумные потоки. Вдругъ въ одномъ узкомъ проходѣ замѣтили цѣлую сотню киргизовъ; они были безъ шапокъ, одѣты въ изорванные рубища, въ поводьяхъ держали лошадей.

Едва я показался, какъ вся толпа подняла крикъ; каждый что-то говорилъ, старался перекричать своего сосѣда и низко кланялся. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что всѣ эти люди жалуются на Роскульбека, который будто бы насильно взялъ лошадей у нихъ подъ мои вьюки.

Напрасно я убѣждалъ, что заплачу за все, что даромъ никто лошадей не беретъ,—ничего не помогало! Киргизы стояли на дорогѣ, не пропускали впередъ, хватали за стремя; Роскульбекъ какъ-то ступевался.

Тогда нашъ джигитъ еще разъ объявилъ имъ, что деньги будутъ заплачены, и бросился увѣщевать нагайкой. Нѣсколько человекъ было опрокинуто, другіе вскочили на лошадей и разбѣжались въ разныя стороны, дорога расчистилась.

Роскульбекъ какъ изъ земли выросъ. Онъ похвалилъ находчивость джигита, заявилъ, что «нагайка — самая первая вещь при убѣжденіяхъ», и мы двинулись дальше.

Черезъ двое сутокъ вѣхали въ долину Нарына и добрались, наконецъ, до помѣстья Роскульбека.

Это цѣлая помѣщичья усадьба, съ садомъ, виноградникомъ, строениями для прислуги и мазаркой, въ которой покоятся предки богача-киргиза.

Здѣсь мы съ удовольствіемъ расположились въ комнатѣ, пестро раскрашенной въ азиатскомъ вкусѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вѣхали изъ Каракола, намъ не удавалось провести ни одной ночи подъ крышей, поэтому-то ночлегъ у Роскульбека сулилъ намъ много комфортабельнаго. Поужинавъ плотно и полакомившись душистой дыней и крупнымъ виноградомъ, мы задули сальную свѣчку и разлеглись на коврѣ. Но... назойливый комаръ затрубилъ надъ ухомъ, за нимъ появился другой, третій... наконецъ — цѣлый рой...

Напрасно мы отмахивались съ ожесточеніемъ; невидимый врагъ, сильный своей многочисленностью, нападалъ все съ большимъ и большимъ остервененіемъ. Укрыться не было возможности, потому что ночь стояла теплая, душная...

Такъ всю ночь никто не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту.

Едва солнце блеснуло изъ-за горъ, мы разстались съ Роскульбекомъ. Онъ далъ своего провожатаго и рассчитывалъ на то, что никакихъ задержекъ намъ въ пути не будетъ. Черезъ трудный перевалъ Мартъ прошли благополучно и къ вечеру остановились около небольшого аула, прося киргизовъ дать лошадей. Въ отвѣтъ услышали, что лошадей — нѣтъ. Стали просить барана — и барана нѣтъ, а есть козелъ, за который требовали 3 р. с.; помирились на 1 р. 50 к. и съѣли жесткое мясо съ отвратительнымъ запахомъ.

Договорили киргизовъ, которые насъ везли до сихъ поръ, чтобы они продолжали путь съ нами. Еле-еле удалось убѣдить; но, когда на другой день мы наткнулись на нѣсколько кибитокъ, то наши проводники считали себя въ правѣ снять вьюки, сложить все это въ пыль на дорожку и исчезнуть, говоря, что мы теперь можемъ нанять другихъ людей, а что они и безъ того далеко зашли.

Такъ и остались мы среди ущелья. Солнце пекло невыносимо. Деревья, пожелтѣвшія и пыльные, точно дремали кругомъ. Нигдѣ ни звука.

Недалеко виднѣлись двѣ кибитки, суетилось нѣсколько женщинъ.

Джигитъ пошелъ къ нимъ узнать: можно ли достать лошадей? Въ крайности пришлось бы выючить своихъ, которыхъ мы берегли на всякій подобный случай. Дикія красавицы отвѣтили, что въ аулѣ остались все женщины, а мужчины уѣхали, что распорядиться онѣ не имѣютъ права.

По счастью, одинъ изъ нашихъ проводниковъ услышалъ гдѣ-то ржаніе. Онъ быстро скрылся, и черезъ полчаса десятка два испуганныхъ лошадей выскакало прямо на насъ. Ихъ тотчасъ безъ церемоніи поймали и навьючили.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ со всѣхъ сторонъ нагнули спрятавшіеся мужчины и женщины, съ крикомъ и плачемъ. Одна старуха жаловалась, что у нея только одна лошадь и есть, что она не можетъ ее отдать, потому что мужа нѣтъ дома; другая молодая киргизка въ изорванномъ костюмѣ, съ сверкающими глазами подскочила ко мнѣ и кричала во всю глотку, размахивая руками; отъ злости она была блѣдна какъ полотно, губы дрожали, черныя густыя косы растрепались.

Я опять объяснилъ черезъ переводчика, что за все будетъ заплачено, сѣлъ на лошадь, и среди криковъ и брани нашъ караванъ тронулся въ путь. Со всѣхъ сторонъ шумѣли всадники, бабы, старухи, — мы не обращали никакого вниманія и были рады, что хоть какъ нибудь есть возможность выбраться изъ этой трущобы. Мало-по-малу, однако, киргизы помирились и разѣхались, бабы отстали, и можно было вздохнуть свободно.

Какъ ни спѣшили мы выбраться поскорѣе изъ лабиринта горъ въ теплую Ферганскую область, но это намъ не скоро удалось.

Особенно труденъ былъ день, когда мы то и дѣло взбирались на высоты, спускались въ ущелья, пересѣкали ручьи и понукали измученныхъ лошадей, на основаніи словъ проводника, что остался всего одинъ переваль.

Солнце уже сѣло, туманъ за клубился въ долинахъ, а этого перевала все нѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ, только на одной снѣговой вершинѣ сверкалъ отдаленный закатъ, становилось совсѣмъ темно и... пришлось остановиться высоко, гдѣ не было ни кустика, ни деревца; даже трава оказалась выгорѣвшею. Кое-какъ пріютились между камнями, безъ кибитки. Собрали кизякъ, стали разводять огонь. Кизякъ дымился, не горѣлъ, вспыхивалъ и опять погасалъ. А холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ насквозь. Мертвая тишина царитъ въ природѣ.

Угрюмо понуривъ голову, стоятъ и дремлютъ лошади. Киргизы разошлись отыскивать топливо.

Ежась подъ морознымъ ночнымъ небомъ, вспоминали мы, какъ хорошо было бы теперь отогрѣться въ кабинетѣ да поѣсть горячей баранины. И не вѣрилось, что все это было когда-то.

Затѣмъ мы спустились въ интересную долину Кара-су. Въ высокихъ частяхъ этого ущелья лежалъ снѣгъ большими полями, растительность была часто горнаго характера; но по мѣрѣ того, какъ мы спускались, характеръ мѣстности мѣнялся, и, наконецъ, въѣхали въ цѣлыя рощи грецкаго орѣха, акацій и другихъ представителей теплой полосы Средней Азіи.

Но вотъ горы раздвинулись, снѣжные хребты ушли направо и налево, на насъ пахнуло точно изъ оранжереи. Кругомъ зазеленѣли плантаціи джугары, клевера, кукурузы. Стали попадаться кишлаки.

Мы въѣхали въ культурную полосу, въ Фергану. Изъ-за глиняныхъ заборовъ выглядывали черныя глазки дѣтей. Красивые сарты въ бѣлыхъ чалмахъ и синихъ полосатыхъ халатахъ молодецки сидѣли на кровныхъ аргамакахъ. Арба на высокихъ колесахъ, нагруженная дынями, тяжело тащилась по улицѣ, подымая тучу пыли..

Еще нѣсколько десятковъ верстъ, и мы въ Наманганѣ, городѣ съ крѣпостью, съ гостепріимнымъ домомъ уѣзднаго начальника П. В. Аверьянова и гдѣ есть возможность отдохнуть и сварядиться въ обратный путь.

Переправившись черезъ Сыръ-Дарью, увидѣлъ я опять знакомые пески, весьма характерные по своему наружному виду. Они состоятъ изъ высокихъ и низкихъ холмовъ серповидной формы и перекатываются съ одного конца Ферганы до другаго, засыпая на пути кишлаки съ ихъ садами, плантаціями хлопка и тутовыхъ деревьевъ. Туземцы увѣряютъ, что на то, чтобы серповидный холмъ перекатился черезъ поселокъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ.

Наконецъ, явилась возможность ѣхать на перекладной. Ночи стояли чудныя, теплыя; луна свѣтила фосфорическимъ свѣтомъ, даль куталась въ голубой туманъ, по темному, бархатному небу чертили падающія звѣзды.. И такъ хорошо дремалось подъ звуки колокольчика и покрякиванія ямщика.

Вотъ и Ташкентъ, разросшійся до неузнаваемости за эти послѣднія пять лѣтъ.

А тамъ опять еще болѣе знакомая дорога черезъ Казалу, скучный Ирғизъ и Оренбургъ.

Н. Сорокинъ.

